

ГЛАВА 2

КРЮЧЬЯ ПОД РЕБРО ИСТОРИИ: ЭТНИЦИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БАШКОРТОСТАНА

*Игорь КУЧУМОВ,
канд. исторических наук,
ст. научных сотрудник
Центра этнологических
исследований Уфимского
научного центра
Российской академии наук*

Долгие десятилетия коммунистическая идеология определяла все стороны жизни огромного Советского государства. После ликвидации власти Коммунистической партии и получения регионами бывшего СССР самостоятельности стали формироваться новые идеологические догмы, которые нашли отражение в историографиях национальных республик, входящих в состав Российской Федерации.

В последние годы в России произошел взрыв интереса представителей разных национальностей к историческому прошлому своего народа, его языку и культуре; он стал причиной появления многочисленной литературы, авторами которой являются не только историки. Как показал чешский историк М.Хрох, интерес к этнической культуре, количество литературы, выходящей по этой тематике (особенно рассчитанной на массового читателя), и рост политической активности того или иного этноса, приводящий к разворачиванию национального движения, – тесно взаимосвязанные явления. Он выде-

лил в национальных движениях три этапа: *фазу пробуждения*, когда у сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции возникает интерес к языку, истории и фольклору своего народа; *фазу агитации*, когда национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса; *фазу массового движения*, характеризующуюся подъемом идей национального самосознания и мобилизацией этноса на борьбу сначала за автономию, а затем и за независимость¹. Отсюда следует, что изучение специфики и стереотипов постсоветских национальных историографий – задача очень важная, имеющая не только академическое значение.

На смену историческим мифам, которые культивировала коммунистическая идеология, пришли не менее мифологизированные постулаты, имеющие этнократическую окраску и составляющие часть новых «суверенных» государственных идеологий на местах. «Люди выстраивают и конструируют прошлое, – отмечает В.А.Шнирельман, – во-первых, исходя из окружающей их социополитической действительности и связанных с ней интересов, а, во-вторых, для того, чтобы опираясь на это интерпретированное соответствующим образом прошлое выдвигать проекты на будущее. Мало того, апелляция к отдаленному прошлому, самобытному историческому пути и тесно связанной с этим концепции национального характера позволяет действующим политикам и чиновникам отвести от себя обвинения в бессилии, неумении исправить современное положение дел и даже злоупотреблении властью. Ведь легче сослаться на особенности «национального духа» и неумолимые «законы истории», чем признаться в собственных промахах»².

«Для нынешнего «переписывания» историй характерны, даже среди историков, тенденции к героизации, удревлению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей»³. Подобного рода явления, как показал М.Ферро, характерны для многих государств, недавно получивших независимость⁴.

Попытку критически взглянуть на историографию Башкортостана последних лет недавно предпринял московский исследователь С.М.Исхаков⁵. Однако он сделал это в контексте анализа историографий Урало-Поволжского региона, что не позволило ему представить материалы по Башкортостану связано. В результате, на мой взгляд, С.М.Исхаков

не смог выявить основные тенденции современного этапа развития башкирской исторической науки и ограничился лишь весьма поверхностной критикой отдельных произвольно отобранных фактов, которые нельзя считать репрезентативными. Это обстоятельство подтолкнуло меня к написанию настоящей статьи, в которой я попытался более подробно осветить поднятую С.М.Исхаковым тему, стараясь, однако, не дублировать его материал, поэтому ряд проблем, затронутых моим московским коллегой, в данной статье не рассматривается.

1. До 1991 г.: страх перед этничностью

В августе 1991 г. в СССР прекратил свое существование коммунистический режим. Вместе с ним ушла в прошлое и государственная идеология, долгие десятилетия XX в. определявшая общественное сознание значительных масс населения Советского Союза. Потребовалась новая идеологическая платформа, которая отражала бы сложившуюся после падения коммунизма реальность и позволила обосновать радикальные реформы, развернувшиеся в обществе.

Специфика процесса формирования новой идеологии заключалась в том, что незадолго до августовского путча 1991 г. многие национальные республики, входившие в состав Российской Федерации, провозгласили суверенитеты и их развитие в то время имело центробежное направление. Ликвидация власти КПСС, являвшейся цементирующей и стержнеобразующей структурой советского государства, наконец распад в декабре 1991 г. самого СССР породили у региональных лидеров (и части местной интеллектуальной элиты) иллюзию скорого получения свободы, которая якобы должна привести к быстрому экономическому, социальному и культурному подъему возглавляемых ими территорий.

Одно из ведущих мест в процессе становления новой, посткоммунистической идеологии занял этнический фактор. Если российские регионы с преобладанием русского населения, имевшие статус края или области, ориентировались главным образом на общероссийские ценности («Россия – наш общий дом»), то в национально-территориальных образованиях, начавших «глотать» суверенитет «сколько хоти-

те», стали вырабатываться идеологические постулаты, эксплуатировавшие идеи, в той или иной мере связанные с этничностью.

Коммунистическая идеология изначально, со времени своего возникновения не придавала большого значения этничности. Главным движущим фактором общественного развития в марксизме является, как известно, классовая борьба, а постоянным объектом внимания и заботы – якобы не имеющий собственной этнической принадлежности пролетариат. Столкнувшись после своего прихода к власти с проявлениями этнического фактора, коммунисты, однако, быстро поставили его себе на службу, сделав инструментом идущей еще из досоветских времен колониальной политики, замаскированной теперь под термином «интернационализм». Соответственно и «национальный историк в условиях советского новоимперства был до известной степени декоративной фигурой. Самим фактом своего существования он призван был демонстрировать достижения советского социализма в разрешении национального вопроса, процессы всестороннего развития и сближения национальных культур и наук, интегрированных единым социалистическим содержанием»⁶.

Проделав за период существования советской власти множество поворотов на 180°, идеологизированная этничность в конце концов оформилась (за редкими исключениями) в следующие аксиомы:

– только присоединение к России дало нерусским народам возможность сохранить себя и свою культуру от вымирания, способствовало формированию литературного языка, а после октября 1917 г. – и письменности;

– нерусские народы России были угнетены царизмом, веками боролись за свое освобождение, но обязательно рука об руку с русским (в первые послевоенные десятилетия перед словом «русский» было принято ставить прилагательное «великий») народом;

– после победы Октябрьской революции 1917 г. культура советских народов является национальной по форме и социалистической по содержанию.

Чрезмерное внимание к этничности, подчеркивание в научной и практической деятельности национальной специфики коммунистическая власть в российских автономиях не поощряла. Но в союзных республиках СССР иногда публично проявлялось национальное чувство, выходящее за пределы норм, установленных Москвой. Так поступил,

например, известный казахский поэт О.Сулейменов, сумевший в середине 70-х годов издать в Алма-Ате книгу-эссе «Аз и Я», где, начав с собственных разысканий в области русско-тюркских взаимоотношений эпохи «Слова о полку Игореве», он пришел к пропаганде идей о глубокой древности тюрков и идущих от них многочисленных явлений в культуре других народов Старого Света. Сразу же обсужденная (и осужденная) книга была изъята из библиотек и снята с продажи, но через много лет, уже в наши дни оказалась поднятой на щит и инициировала массу подражаний на всем постсоветском пространстве. Власть крайне негативно восприняла эту полухудожественную работу дилетанта от науки, написанную «националом», и подняла на щит научные труды академика Б.А.Рыбакова (1908-2001) и ряда других историков, всеми правдами и неправдами углублявших и возвеличивавших историю древних славян и Киевской Руси⁷.

Роль исторической науки в автономных национальных образованиях РСФСР периода коммунистического господства была гораздо меньшей, чем в административно-территориальных единицах, обладавших статусом союзных республик. Башкортостан не являлся исключением. История республики и ее титульного этноса не играли в массовом сознании населения существенной роли. Исследования башкирских историков того времени – это «вещь в себе»; не выходявшие за рамки чисто академических проблем, они были востребованы узким кругом интеллигенции и краеведов-любителей, о чем свидетельствуют и их весьма скромные тиражи в отличие от тиражей аналогичных произведений массового характера (не обязательно художественных). В учебных заведениях на изучение родного края времени выделялось немного, зачастую «История Башкирской АССР» вообще не изучалась. Тот факт, что школьный учебник Б.Х.Юлдашбаева (1928-2001)⁸, 2/3 объема которого занимает советский период, поданный предельно скучно⁹, многократно переиздавался, свидетельствует о полном пренебрежении руководящих органов народного образования республики к предмету. От издания к изданию учебник все больше худел, из регионального варианта общешкольного пособия по истории СССР постепенно превращаясь в пропагандистскую брошюру общества «Знание» о достижениях Советской Башкирии.

Историческая наука Башкортостана еще очень молода. Отсутствие до революции и в первые десятилетия советской власти круп-

ных вузов, невостребованность населением знаний о своем прошлом не способствовали становлению башкирской историографии. В это время исследованиями занимались лишь отдельные профессионалы, чьи работы носили довольно примитивный, компилятивный характер. Большую помощь местным историкам оказывала Башкирская комиссия Института истории Академии наук СССР, при активном участии которой были изданы «Материалы по истории Башкирской АССР» (1936-1960) – одна из лучших в стране публикаций архивных документов XVII-XVIII вв. и подготовлен и выпущен первый том (в двух частях) «Очерков по истории Башкирской АССР» (Уфа, 1956-1959). Второй том, появившийся гораздо позже – в 1965 г., уже почти полностью был написан местными авторами. Этот коллективный компендиум заменил компилятивные, но достаточно добротные «Очерки истории Башкирии» (Уфа, 1930) Ш.И.Типеева (1900-1983). К числу достижений башкирской историографии первой половины XX в. следует отнести исследование А.Н.Усманова (1910-1982) «Присоединение Башкирии к Русскому государству» (1949, несколько раз переиздавалось) и фундаментальную монографию работавшего в Москве бывшего партийного деятеля республики Р.М.Раимова (1904-1953) «Образование Башкирской АССР» (М., 1952).

В книге Усманова впервые в российской историографии подробно рассматривались предпосылки и процесс вхождения башкирских племен в состав России в XVI в. – начале XVII в. Сочинение Усманова, конечно, было подвержено всем коллизиям общественных наук послевоенной эпохи, содержало немало догм и распространенных тогда схем, но тем не менее это было профессиональное исследование предмета. До Усманова историческая наука не уделяла достаточно внимания самому процессу вхождения Башкирии в состав России, ограничиваясь отдельными невразумительными фразами.

Исследование Раимова по истории образования БАССР было написано под влиянием теоретических установок И.В.Сталина и сильно догматизировано в соответствии с условиями того времени. Национальное движение башкир 1917-1921 гг. рассматривалось как преступное деяние. Но автор книги был одним из немногих советских историков сталинской эпохи, получивших доступ к значительному архивному массиву, закрытому тогда для исследователей, и имевших возможность ссылаться на него в своих публикациях. Нельзя не отметить и широту

подхода Раимова к изучаемой проблеме, во многом не превзойденную до сих пор.

Отряд профессиональных историков в современном понимании этого слова появился в республике только в послевоенные годы. Историческая тема в башкирской профессиональной культуре 1945-1955 гг. почти полностью отсутствовала. В художественной литературе, театре, живописи, музыке допускалось лишь использование историко-революционных сюжетов.

Положение было таким не всегда. С первых лет советской власти до кануна Второй мировой войны историческая тема на страницах литературы и в театре была представлена довольно широко. Все оборвалось в 1937 г., когда прибывший из Москвы крупный советский функционер А.А.Жданов провел в Уфе пленум Башкирского обкома ВКП(б), сменивший местную партийную верхушку и положивший начало периоду массовых репрессий в республике¹⁰. Сталинский террор в Башкортостане, в отличие от центральной России, имел свою специфику: он шел под флагом борьбы с буржуазным национализмом. Арестованным башкирской (либо другой нерусской) национальности предъявлялись обвинения в шпионской деятельности в пользу Турции и Японии, попытках поднять националистическое восстание и т.д. Была уничтожена почти вся немногочисленная башкирская интеллигенция, а все художественные произведения, посвященные XVII-XVIII вв. (эпоха башкирских восстаний против господства России), были объявлены националистическими, изъяты из библиотек, из репертуаров театров и запрещены¹¹.

Второй раз серьезное предупреждение творческой интеллигенции республики было сделано в 1945 г. после издания постановления ЦК ВКП(б), в котором были подвергнуты критике произведения, затрагивавшие период феодализма. В постановлении отмечалось, что в башкирской науке не проводились «разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодалское прошлое башкир»¹². Подвергнув обструкции ряд научных и литературных произведений, изданных в республике¹³, постановление обязывало «считать важной задачей научных работников и писателей Башкирии

создание произведений, правдиво отображающих историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную борьбу с русским народом против царизма и иноземных поработителей»¹⁴.

«30-е – начало 50-х гг. – время истребительного удара по национальным элитам и культурам, их последовательного и систематического подавления и сдерживания в обстановке утверждения национал-большевистских приоритетов идеологии...»¹⁵ Репрессии 30-х годов, строгий присмотр со стороны партийных органов за историками, общая атмосфера страха и подавленности привели к тому, что в условиях почти полного отсутствия научно-популярных изданий по истории края деятельность писателей, поэтов, журналистов, композиторов, драматургов и живописцев по существу сводилась к пересказу официальных научных теорий и выводов для широких масс населения, главным образом образованной его части¹⁶. В качестве примеров подобных «ретрансляций» можно привести двухтомный роман К.Мергена (1912-1984) «Крыло беркута» (1981-1985)¹⁷, оперы З.Г.Исмагилова (1917 г.р.) «Послы Урала»¹⁸ и «Салават Юлаев»¹⁹, роман Я.Хамматова (1925-2000) «Северные амуры» (1985)²⁰. Эти сочинения не отличаются большими художественными достоинствами, поскольку выполнены по заказу партийных верхов и скованы прокрустовым ложем тогдашнего партийного официоза.

Некоторая либерализация коммунистического режима в 50-60-е годы вернула в башкирскую историческую науку этничность в широком смысле этого слова. Стало возможным изучать собственно историю и культуру башкир, а не только их участие в революции и гражданской войне. Развернулись широкие исследования по башкирской этнографии, которые возглавил Р.Г.Кузеев (1929 г.р.), окончивший аспирантуру в Москве. Созданная им этнографическая школа (Н.В.Бикбулатов, С.Н.Шитова, группа этногенетиков и т.д.) получила признание в стране. Что касается ее лидера, впоследствии ставшего членом-корреспондентом Российской Академии наук и одним из видных этнографов бывшего СССР (в 1995-1997 гг. он возглавлял Ассоциацию российских этнологов и антропологов), то по масштабам охвата исследовательских проблем, методике анализа и конечным выводам его работы вышли далеко за рамки историографии Башкортостана, пополнив золотой фонд мировой исторической мысли.

Исследования историков и этнографов 50-80-х годов способствовали подъему национального самосознания башкир. О массовом влиянии говорить не приходится, но мировоззрение части национальной интеллигенции, безусловно, формировалось в том числе и под воздействием бурного развития исторических исследований во второй половине XX в. Дело в том, что «постсталинский период характеризуется оживлением нациестроительства, формированием новых национальных элит, восстановлением процесса «собирания» национальных историй, который происходит в основном в «замещенных» формах – желании показать «в лучшем виде» представителей своего этноса, доказать «зрелость» своего региона для дела революции и социализма и т.п.»²¹ Пока советская этакратия неуклонно приближалась к своему концу, националистические тенденции в провинциальных историографиях нарастали. Особенно заметным этот процесс стал на рубеже 80-90-х годов²².

Ниже дан обзор узловых этноисторических проблем, обсуждаемых на страницах печати Республики Башкортостан в последнее десятилетие.

2. От науки к мифу: теории этногенеза как практика этницизма

Тема башкирского этногенеза занимает науку уже два с половиной столетия. Первые попытки обращения к ней восходят к XVIII в., они принадлежали русским ученым И.К.Кирилову, П.И.Рычкову и В.Н.Татищеву. Однако все последующие исследователи проводили лишь отдельные наблюдения, не увязанные в единую схему. В силу этого вплоть до конца 60-х годов XX в. этногенез башкир оставался для историков во многом загадкой, которая была разрешена только в 50-60-е годы благодаря работам Р.Г.Кузеева, опубликованным в книге «Происхождение башкирского народа» (М., 1974).

Это строго научное сочинение, лишенное каких-либо спекуляций на почве этнического фактора, законно заняло почетное место в мировой историографии как образец этногенетического исследования. Ценность его заключается и в том, что Кузеев сумел выйти за идеологические рамки тех этногенетических аксиом, которые господствовали в

советской науке того времени и являются питательной базой для ультрасовременных теорий происхождения и ранней истории башкирского народа. Основным выводом Кузеева стало признание факта миграции древнебашкирских (главным образом тюркских) племен с Алтая и Средней Азии. На основе огромного фактического материала он построил стройную и глубоко аргументированную концепцию длительного процесса башкирского этногенеза с середины I до середины II тыс. н. э., в котором участвовали тюркские, финно-угорские, индоиранские, тунгусо-манчжурские, монгольские и другие компоненты. Труды Кузеева, посвященные происхождению и ранней истории башкир, позволили уточнить многие спорные вопросы этнического прошлого других народов Евразии. Схема башкирского этногенеза, предложенная Кузеевым, является по своей сути миграционистской (автохтонные уральские элементы занимают в ней незначительное место). Открыто оспариваться она стала только в постсоветскую эпоху. Но прежде чем начать разговор на эту тему, надо вспомнить, какова была судьба этногенетических исследований в России.

Этногенез – излюбленная тема российских историков. Сводить эту проблему к эпохе сталинского ура-патриотизма, как это делает В.А.Шнирельман²³, думается, было бы упрощением: начало этногенетических исследований в России восходит еще к «Повести временных лет» (эпоха Киевской Руси). В XVIII-XX вв. происхождению славян и Руси посвящалось столько работ, что вряд ли возможен их точный учет. Фактически ни один крупный русский историк, начиная с Татищева (и даже не являвшийся историком Ломоносов), не проходил мимо ставших чуть ли не обязательными исследований этногенеза. В разные периоды российской истории эта тема переживала то подъем, то упадок, что было связано главным образом с политической ситуацией, но со страниц научных трудов никогда не сходила. Даже при почти полном отрицании национальных историй и самого понятия «этнос» глава советской исторической науки 20-х годов М.Н.Покровский и тогдашний лидер советского языкознания Н.Я.Мартенс тем не менее занимались выработкой теорий этногенеза пусть и в шокирующих сегодняшнего специалиста формах.

В 1934 г. в советской историографии завершилась эпоха «интернационализма», главным отличием которой было игнорирование или принижение этнической составляющей исторического процесса²⁴. На-

чался новый всплеск этногенетических исследований, а с конца 30-х годов их главным сюжетом стало происхождение и ранняя история славян, формирование восточнославянской общности, развитие ранней славянской культуры и генезис государственности²⁵. Методика изучения славянского этногенеза в силу своей значительной разработанности «великим старшим братом» стала эталонной для этногенетических исследований других народов страны.

Славяно-русская этногенетическая тематика, сложившаяся в СССР в конце 30-х годов, выработала определенные научные постулаты, стимулировавшиеся идеологией советского патриотизма, которые проникли во все советские национальные историографии. Каковы же были идеологические установки в советской теории славянского этногенеза? В первую очередь необходимо выделить тезис об исключительно автохтонном развитии славянского единства, истоки которого возводились к бронзовому веку, вплоть до эпохи Триполья (академик Н.С.Державин искал корни русского народа даже в палеолите Среднего Поднепровья). При этом постулировалась временная непрерывность археологических культур, якобы участвовавших в славянском этногенезе (видные советские историки того времени П.Н.Третьяков, М.И.Артамонов, М.А.Тиханова, А.Д.Удальцов, Б.Д.Греков, Б.А.Рыбаков). Другой особенностью советской науки об этногенезе славян является стремление повсеместно искать славянство, относить к славянам любую археологическую культуру и любой древний этнос. Это значительно расширяло территорию этногенеза и позволяло объявить, скажем, Гамбург древним славянским городом²⁶. Несмотря на то, что в дальнейшем советская наука об этногенезе частично отошла от наиболее фантастических мифов сталинского этапа ее развития, в основе своей они сохранялись вплоть до конца 80-х годов (главным образом в работах академика Б.А.Рыбакова и его последователей) и иногда появляются на страницах исследований, учебной и популярной литературы даже сегодня.

В.А.Шнирельман справедливо замечает, что на сиюминутных идеологических доктринах сталинского периода «было воспитано не одно поколение, и современные вспышки национализма не в последнюю очередь обязаны этому фактору». Работы 40-х годов по славяно-русскому этногенезу сыграли свою роль в формировании сегодняшних националистических настроений. «И дело здесь не только в создании

питательной идеологической среды для русского национализма, но и в росте ответного местного национализма. Ведь на самом деле изучение тенденций в этногенетических исследованиях позволяет проследить определенную цепную реакцию: этногенетический германский экспансионизм породил ответный этногенетический славянский экспансионизм, а это, в свою очередь, вызвало соответствующий ответ со стороны других, неславянских народов бывшего СССР и прежде всего тюркских. Борьба за прошлое в последние десятилетия все более накалялась, ибо создание этногенетического мифа являлось одним из немногих дозволенных видов деятельности, с помощью которого национальная интеллигенция могла легально выразить свое недовольство негативными явлениями в национальной сфере и свое беспокойство за будущее своих народов»²⁷.

В современном этногенетическом мифотворчестве Башкортостана можно выделить два направления. Первое – чисто мифологическое, когда напрямую, без всякой оглядки на источники, историографию и методические приемы делаются заявки на признание протобашкирскими крито-минойской, египетской и шумерской цивилизаций. Это направление представлено писателями, поэтами и этнически ориентированными любителями истории, как правило, не имеющими ученых степеней.

Второе направление не столь откровенно разделяет основные идеи первого, делает это в более цивилизованной форме, с привлечением научно выверенных источников, применением сложившихся в отечественной науке методик анализа исторических, этнографических, археологических и лингвистических материалов. Его представляют национально ориентированные ученые, занимающие определенное положение в научном мире, в вузах и республиканском истеблишменте.

Одним из приемов, используемых при этногенетическом мифотворчестве в Башкортостане, является актуализация устаревших и не прошедших проверку временем концепций, принадлежащих ученым с мировой известностью. Это позволяет, прикрываясь ссылками на труды того или иного классика науки, освящать его именем различного рода собственные спекулятивные теории. Примером этого служит судьба идей выдающегося российского этнографа, археолога, антрополога и географа С.И.Руденко в современной башкирской историографии.

С.И.Руденко (1885-1969) известен в российской и мировой науке как автор образцовой этнологической монографии «Башкиры» и целой библиотеки трудов по археологии и этнографии народов Евразии. В первом издании «Башкир» (1925) раздела по этногенезу не было. Он появился в 1955 г. И каков же подход автора к этой проблеме? Пространно описав антропологические типы²⁸ (непревзойденным знатоком которых был автор; еще в 1916 г. он посвятил этому первый том первого издания «Башкир»), хозяйство и материальную культуру (обе эти темы также были научным коньком автора) исследуемого этноса²⁹, Руденко упорно постулирует автохтонную версию этногенеза, хотя и признает, что на протяжении всей своей истории башкиры аккумулировали многочисленные иноэтнические включения. При этом теоретические построения автора базируются лишь на признании сходства материальной культуры башкир и их хозяйственных занятий с материальной культурой и хозяйством населения эпохи бронзы – раннего железа, времени, «с которого можно уже пытаться проследить происхождение башкир и их культуры...»³⁰

Несмотря на то, что Руденко признавал очень слабую изученность в то время археологии, антропологии, истории, этнографии и лингвистики Башкортостана³¹, он делал довольно смелые этногенетические выводы. Опираясь на тезис С.Е.Малова о генезисе тюркских языков в V в. до н. э., Руденко синхронизировал этот процесс с расселением на Урале тиссагетов, савроматов и иирков³² – легендарных племен раннего железного века, известных по упоминаниям Геродота. Произвольно определив период формирования башкирского языка и раннего этногенеза башкирских племен в пятьсот лет, он отнес их консолидацию к началу I тыс. н. э.³³ «Язык, на котором в это время говорило большинство населения Башкирии, был уже, по всей вероятности, древний башкирский...», – резюмировал свои косвенные умозаключения Руденко³⁴. Его конечный вывод был следующим: «Этнически я считаю допустимым связывать древних башкир с тиссагетами Геродота для северо-западной территории Башкирии и савроматами и иирками для южной и восточной территории. Однако только с первых веков I тысячелетия н. э. можно рассматривать башкир как единую группу племен...»³⁵

Признание Руденко автохтонности башкирского этногенеза, отнесение этногенетического процесса к рубежу эр, а то и ранее, объявляе-

ние тиссагетов, савроматов и иирков тюрками весьма импонирует современным мифотворцам от науки. Но насколько идеи Руденко продуктивны сегодня? Для ответа на этот вопрос надо вспомнить, в каких условиях автор готовил второе издание своей книги. Реабилитированный только в 1957 г.³⁶, формально остававшийся «врагом народа», Руденко был вынужден играть в ту игру, которую вела тогда вся историческая, этнографическая и археологическая наука страны. Переиздание «Башкир» шло в период яростной борьбы с космополитизмом, преклонением перед Западом. Это было время оголтелого великорусского шовинизма. Советские обществоведы лезли из кожи вон, стараясь убедить весь мир в изначальных приоритетах России во всех областях науки, культуры и техники. В сфере этногенетических исследований не поощрялись миграционные теории, постулировался автохтонизм культур народов СССР³⁷, прежде всего русского, доходивший порой до абсурдных крайностей.

Сам Руденко, всю жизнь изучавший материальную культуру и хозяйство народов Евразии, не был специалистом по этногенезу башкир; XV глава его книги носит название «Вопросы этногенеза башкир» и, как видно, является предварительной постановкой проблемы. Налицо искусственное, вынужденное включение ее в труд, посвященный главным образом культурно-бытовым традициям. Руденко заметил сходство родо-племенных названий у башкир и других народов³⁸, но не уделил этому должного внимания. Между тем на фоне дефицита данных археологии и лингвистики именно этот источник мог стать базовым материалом для реконструкции этногенеза, это понял и блестяще воплотил в своем труде Р.Г.Кузеев. Кроме того, Руденко не использовал в должной мере в качестве источника тамги³⁹, с которыми, конечно, не раз встречался в ходе своих длительных экспедиций к башкирам.

Со времени после выхода труда Руденко многократно увеличился объем источников по истории башкир. Несмотря на это, пока не удается доказать этническую непрерывность археологических культур на протяжении двух – двух с половиной тысячелетий. Думается, что это и не будет сделано, поскольку этнический процесс в Урало-Поволжье оказался гораздо более сложным, чем представлялось в 1955 г. Руденко. С другой стороны, последующие данные этнографии, антропологии, а в последние годы и генетики показали, что этногенез башкир

шел не по схеме Руденко, а по гораздо более фундированной концепции Кузеева, которая уточнялась и углублялась с каждым десятилетием и продолжает работать, являясь, по-видимому, наиболее приближенной к истине. Тем не менее крайне уязвимые и бездоказательные построения Руденко, перешедшие из разряда гипотез в историографический архив, периодически вновь возникают из небытия.

Вскоре после выхода книги Кузеева Н.А.Мажитов (1933 г. р.) на страницах своей монографии после справедливого признания огромной ценности выводов Руденко о многосоставном характере быта, искусства, религиозных представлений и других сторон жизни башкир не менее справедливо охарактеризовал как несколько одноплановое «заключение автора о том, что башкиры уже в начале нашей эры представляли достаточно единую группу племен...»⁴⁰

Весьма сдержанное отношение к гипотезе Руденко в книге 1977 г. резко контрастирует с ее оценкой в работе 1994 г. Опираясь на мнение крупного отечественного археолога К.Ф.Смирнова о дахо-масагетском периоде начала башкирского этногенеза, высказанное на всесоюзной сессии по этногенезу башкир в 1969 г. (позже он, кстати, никогда не упоминал об этом), а также на работы других специалистов⁴¹, Мажитов и Султанова обвинили исследователей, имеющих иное мнение, в приверженности «к установкам и принципам господствовавшего шаблонного мышления в советской исторической науке»⁴².

«Следует подчеркнуть, что в современной исторической науке формирование многих современных народов, как правило, относят к сравнительно позднему времени. В свете изложенного такой взгляд выглядит очень примитивным. Отнюдь не отрицая роли позднейших компонентов в историческом развитии башкир, накопленные материалы позволяют начать ранние этапы их этногенеза с раннежелезного века», – заключают авторы⁴³. Система доказательств в новой теории Мажитова-Султановой примерно та же, что у Руденко. Разница лишь одна: Руденко мифологизировал этногенез башкир, чтобы сохранить жизнь себе и своим близким, а современные мифотворцы от науки хотят уже не просто жить, а жить хорошо.

Эти ультрасовременные концепции сделали возможным появление работ, авторы которых на методику исторического исследования и источники уже не оглядываются. Из нескольких сочинений такого рода,

вышедших в последние годы, наибольшую известность получило «творчество» Салавата Галлямова, выпускника исторического факультета Башкирского государственного университета, в течение ряда лет скитавшегося по Западной Европе и наконец нашедшего признание на родине в качестве полного ниспровергателя научных догм.

Главной идеей книг Галлямова, вышедших во второй половине 90-х годов, является доказательство изначальной древности «башкордов» (так он именует башкир) относительно других народов мира. Привлекая (довольно бессистемно) в больших объемах лингвистику, археологию и мифологию⁴⁴, Галлямов утверждает родство англичан, иранцев и норвежцев⁴⁵, ведущих якобы свое происхождение от башкир Урала. Автор явно неоригинален в методическом плане: еще в 1944 г. академик Н.С.Державин объявил предками славян скифов, кимерийцев, фракийцев, сарматов, этрусков и даже готов и гуннов!⁴⁶

В предисловии к одной из книг создателя «новой науки о башкордах» известный в республике ученый-лингвист, доктор филологических наук пишет: «Данное исследование... является новым этапом в изучении древнего и современного состояния башкирского языка и истории башкирского народа»⁴⁷. Далее отмечается: «высокая эрудиция, глубокое знание автором индоевропейских и тюркских языков... характеризуют данную работу лишь с положительной стороны»⁴⁸.

О «глубокой эрудиции» и научной этике автора можно судить по его высказыванию о А.Ф.Лосеве как... о единственном русском философе⁴⁹, о работах коллег-исследователей как «наглых заявлениях»⁵⁰ и по использованию понятия «народцы-паразиты»⁵¹. Чего стоят, например, такие пассажи Галлямова: «...у некоторых народцев возникла наглость, чтобы приписать мифологию и культуру острова Крит в древнюю эпоху до I тысячелетия до н. э. каким-то там грекам»⁵², что русские до XVIII в. не знали даже основ металлургии⁵³ и у них не было и не могло быть собственной мифологии⁵⁴. Приписывая башкирам почти все достижения человеческой цивилизации и обвиняя мировую науку в их воровстве с целью присвоения другими народами⁵⁵, Галлямов волей-неволей повторяет методы крупных советских археологов М.И.Артамонова и С.П.Толстова, практиковавших в своих исследованиях 1940-х годов «передачу» археологических памятников Заэльбья славянам⁵⁶.

«Культура, – включает новоявленный «башкордовед», – это не свадебный пирог, чтобы ею делиться с кем попало. Поэтому каждый башкорд обязан сохранять нашу духовную и материальную культуру, обычаи, мифологию, археологию, фольклор, историю чистыми от всякой инородческой примеси и суррогата»⁵⁷. Работы, подобные «сочинениям» С.Галлямова, издаются сейчас на всей территории бывшего СССР, но, наверное, только в Башкортостане они выпускаются под грифом и на средства Государственного комитета по науке и высшему образованию и сопровождаются одобрителными предисловиями достаточно авторитетных и известных в республике докторов наук⁵⁸.

«Откуда такой энтузиазм в отношении первобытных основ своей культуры, которые некоторые авторы отваживаются искать едва ли не в палеолите?» – задает вопрос один из современных историографов исторического мифотворчества. И отвечает: «Дело в том, что в ходе модернизации, охватившей современный мир, происходит унификация культуры, и многие народы, живущие в многонациональных государствах, теряют традиционные хозяйственные системы, обычаи и социальную организацию, народную культуру, нередко даже родной язык. Основное, а порой и единственное, на чем держится их этническое самосознание, – сказания о великих предках и их славных деяниях, о блестящих достижениях своей культуры в глубоком прошлом. Поэтому пока люди будут осознавать принадлежность к особым, отличным от других общностям, они будут все больше придавать значение своему мифологизированному прошлому»⁵⁹. Видимо, этим объясняется популярность у части нынешней башкирской интеллигенции «сочинений» С.Галлямова.

Этногенетическая «напряженность» в башкирской историографии, тесно связанная с политическим курсом постсоветского Башкортостана, породила поток сопутствующих явлений, таких как противодействие (доктор исторических наук В.А.Иванов – археолог и одновременно один из активистов русского казачьего движения в республике) и карьеристские стремления лиц, не имеющих никакого отношения к титульной нации (кандидат исторических наук В.Котов; оба работают в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН).

Непосредственно темы башкирского этногенеза В.А.Иванов коснулся в научно-популярных книгах «Пути степных кочевий», «Откуда ты, мой предок?» (тираж 30000 экз.; своеобразное подобие книги

Мажитова и Султановой, но с противоположными, традиционными выводами) и на страницах коллективной «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.» (Уфа, 1996; подготовлена в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН). В своих этногенетических построениях Иванов предпочитает опираться только на археологический материал, который не позволяет сегодня выделить собственно башкир. Археология пока не может адекватно реконструировать этногенез и последующие этнические процессы, поэтому методология Иванова приводит зачастую к парадоксальным выводам о позднем, чуть ли не с XIV-XV вв. появлении башкир на Южном Урале⁶⁰. Это противоречит основным выводам, содержащимся в таких достаточно объективных и выдержавших проверку временем работах, как упоминавшийся выше труд Кузеева, исследованиям антропологов, генетиков, лингвистов и представителей других наук⁶¹.

Кандидатская диссертация и опубликованные работы (которые можно отнести ко второму направлению мифотворчества – «научному») В.Г.Котова – это попытка интерпретировать «вещный мир» палеолитических пещер Южного Урала на основе данных башкирского фольклора. При этом он постулирует непрерывность мифологического процесса на Южном Урале от палеолита до современности⁶². Сам метод явно уязвим – башкирский фольклор, конечно, сохраняет немало архаичных черт, но опираться на него при реконструкции духовной культуры древнейшего и древнего населения Южного Урала вряд ли корректно – в большей степени памятники башкирского фольклора отражают разные стадии развития феодального общества. Гораздо уместнее было бы привлечь материалы по народам, чья культура может быть условно изоморфна эпохе южноуральских палеолитических пещер, речь идет об этносах Севера, Сибири, Африки, Австралии, Океании, Полинезии и т.д.

Котов не остался в стороне и от ставшей модной темы «Урал-батыра». Он еще больше, чем Салават Галлямов, удревнил время сложения этого эпоса, отнеся его к периоду между энеолитом и бронзовым веком, а некоторые пласты – даже в палеолит⁶³. В отличие от своего коллеги-мифотворца, Котов старается использовать научную методику при анализе материала, однако трудность состоит в отсутствии текстологически удовлетворительного издания этого эпического памятника⁶⁴.

В этой связи нельзя не отметить, что в мифотворческой литературе, издаваемой сейчас в Башкортостане, встречаются попытки вписать собственное мифотворчество в контекст общероссийского. В частности, некоторая часть местной интеллигенции сочувственно отнеслась к работам московского «историка» пантюркистской направленности М.Аджи, одного из ведущих российских мифотворцев от науки. Его книги «Полюнь половецкого поля» (1994) и «Европа. Тюрки. Великая Степь» (1998) на страницах республиканской прессы оцениваются как серьезные и добротные труды, написанные со знанием дела⁶⁵. Разумеется, что иные точки зрения⁶⁶ в Башкортостане не публикуются. Тем не менее, мифотворчество пантюркистской направленности (как это нередко бывает в исторической науке нынешней Турции) распространения не получило⁶⁷. В адрес М.Аджи в Башкортостане даже был высказан упрек, что он заикнулся на Алтае и упускает из виду второй крупный (а может быть, и первый) регион, где начала складываться российская цивилизация много тысячелетий тому назад, – Южный Урал. При этом делается ссылка на башкирского ученого С.Галлямова⁶⁸. Дискутируя с другими мифотворцами, башкирские утверждают, что «первое в мире колесо изобретено именно здесь, на Южном Урале, на территории исторического Башкортостана»⁶⁹. Истерзанный предмет материальной культуры человека – колесо – в российском мифотворчестве разделит судьбу Гомера, за право называться родиной которого боролись семь городов.

На первый взгляд кажется, что обсуждаемые в научной и псевдонаучной среде этнические и этногенетические проблемы носят камерный характер и абсолютно не волнуют большую часть населения. Однако это не совсем так. Научные и научно-популярные издания, посвященные истории и культуре башкирского народа, как свидетельствуют результаты социологических исследований, вызывают значительный интерес у городских башкир, и спрос на такие книги даже выше, чем на художественные произведения башкирских писателей⁷⁰. В условиях отсутствия противодействия такого рода «сочинениям» они входят в сознание широких масс населения, их используют в курсе «История и культура Башкортостана» в средней школе и колледжах⁷¹. Тем не менее наиболее откровенные псевдонаучные фантазии пока еще не проникли на страницы школьных учебников по истории Башкортостана (чего нельзя сказать о соответствующих изданиях в го-

сударствах СНГ). Мифологизация прошлого в современных учебниках по истории республики, издаваемых в Уфе, носит «научный» характер и занимает промежуточную полосу, отделяющую академическую фундаментальность от откровенного шарлатанства.

3. И все же европоцентризм: «изобретение» древней письменности

Еще каких-нибудь два десятилетия назад в литературе утверждалось, что до революции башкиры не имели никакой письменности⁷². Ныне подобного рода высказывания (кстати, тоже абсолютно мифотворческие, построенные в духе мифологического перехода от хаоса к космосу, где демиургом выступает октябрь 1917 г., см. об этом ниже) расцениваются башкирскими учеными как европоцентристские. Но что же современная башкирская наука предлагает взамен?

Казалось бы, нынешняя национально ориентированная башкирская историография, активно пытающаяся пересмотреть европоцентризм советской и постсоветской российской исторической науки⁷³, должна и к вопросу генезиса письменности у башкир подходить с точки зрения полицентризма. Ан нет! При осуждении европоцентризма на словах (при этом под ним подразумевается русскоцентризм), на деле в историографии Башкортостана используются те же методы.

«Относительно высокий уровень развития культуры и общественной жизни, достигнутый башкирскими племенами к IX-XII вв., позволяет ставить вопрос о том, что они умели пользоваться руническим письмом⁷⁴, которое явилось общим культурным достоянием всех тюркских народов того времени... На Южном Урале могут быть обнаружены бесспорные памятники рунического письма», – утверждает в одной из упоминавшихся выше современных работ⁷⁵. Это не обычная мало-значущая фраза, выхваченная из контекста. Сочинение Н.А.Мажитова и А.Н.Султановой менее всего следует рассматривать как книгу по археологии; это по существу краткий справочник по проблеме, вынесенной в заголовок настоящей статьи, в котором рефлексированы идеи, волнующие сегодня определенную часть башкирской гуманитарной интеллигенции.

В другой работе говорится: «В результате усилий исследователей *последних лет* (курсив мой. – И.К.) ныне уже стало бесспорным и научно доказанным фактом то, что башкирская письменная литература начала развиваться задолго до Октябрьской революции...»⁷⁶ Суть дискуссий о наличии письменности сводится к одному вопросу: было – не было. Сейчас вроде бы пришли к заключению, что письменность на языке тюрки – это и есть башкирская письменность до революции (с оговоркой, что башкирский литературный язык был введен в 1923 г.). Все эти умозрительные конструкции, связанные с поисками и наконец обнаружением «в последние годы» письменной культуры у башкир, как представляется, искажают суть проблемы.

Сущность письменной и неписьменной культурной традиции в свое время глубоко исследовал видный российский ученый Ю.М.Лотман. В 1987 г. он опубликовал важную в этом отношении статью «Несколько мыслей о типологии культур». Хотелось бы напомнить ряд ее положений.

Во-первых, «...тот незначительный... хронологический пласт, который мы можем изучать по хорошо сохранившимся письменным источникам, принимается за норму исторического процесса, а культура этого периода – за стандарт человеческой культуры»⁷⁷. Ю.М.Лотман указал также на сложившееся в массовом сознании представление о связи между развитой цивилизацией, классовым обществом, разделением труда и обусловленным ими высоким уровнем общественных работ, строительной, ирригационной и прочей техники и письменностью. Поэтому стремление современных историков Башкортостана любым путем найти письменные памятники, пусть даже и априорно, в конечном счете является стремлением (с использованием всего набора евроцентристских представлений) завесить степень развития башкирского общества в широкой временной перспективе. Но так ли нужно пытаться подогнать историю развития башкирской цивилизации под общеевропейский стандарт?

В своей статье Ю.М.Лотман приводит пример южноамериканских доинкских обществ, «создававших мощные строительные сооружения и ирригационные системы, воздвигавших города и огромных каменных идолов, имевших развитое ремесло – гончарное, ткаческое, металлургическое, – более того, создававших, без всякого сомнения, сложные системы символов... и не оставивших никаких следов нали-

чия письменности»⁷⁸. Под самым боком у местных историков (в степях Челябинской области) находится яркий археологический памятник, о котором уже много написано в российской и башкортостанской научной и публицистической прессе. Это протогород Аркаим – величественное сооружение *бесписьменной* эпохи бронзового века⁷⁹. Но почему-то никаких серьезных соображений на этот счет у ученых Башкортостана не возникло.

Письменность по Ю.М.Лотману – не единственно возможная форма коллективной памяти⁸⁰. Письменная культура фиксирует какие-то исключительные, из ряда вон выходящие события и, соответственно, направлена на умножение текстов, бесписьменная стремится сохранить сведения о порядке, а не его нарушениях, о законах, а не об эксцессах. «Культура, ориентированная не на умножение числа текстов, а на повторное воспроизведение текстов, раз и навсегда данных, требует иного устройства коллективной памяти. Письменность здесь не является необходимой»⁸¹. Ю.М.Лотман достаточно подробно охарактеризовал признаки бесписьменной культуры с ее развитой символикой, ритуалом, орнаментом и т.д.⁸² Нетрудно заметить, что хорошо известная на сегодняшний день благодаря наличию целой библиотеки работ по этнографии и фольклористике традиционная башкирская культура полностью подпадает под этот тип цивилизаций, и пытаться представить ее письменной – значит идти против истины. «Тысячелетнее существование бесписьменных культур в доколумбовой Америке служит убедительным свидетельством устойчивости такой цивилизации, а достигнутые ею высокие культурные показатели наглядно демонстрируют ее культурные возможности»⁸³.

Теория Ю.М.Лотмана вполне объясняет и наличие письменного языка «тюрки», и границы его использования у башкир. Рассматривая функционирование устной и письменной сферы внутри одной культуры, он предположил, «что в определенный период уделом письменности была хозяйственно-деловая сфера, в то время как за поэтико-сакральной оставалась область устно-ритуальная»⁸⁴. «...Появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры»⁸⁵. Современная башкирская историография, упорно стремящаяся доказать, что традиционное башкирское общество было письменным с глубокой древности, упрощает и обедняет башкирскую народную куль-

туру, складывавшуюся в течение многих веков и впитавшую в себя достижения древних цивилизаций Евразии.

4. «...Об грань столетий душу ушибу»⁸⁶: публицистическая «история» Газима Шафикова

Говоря о роли истории в идеологии современного Башкортостана, нельзя не сказать о таком явлении, возникшем на стыке исторической публицистики и литературы, как творчество Г.Г.Шафикова (г.р. 1939). Шафиков стал одним из наиболее ярких творцов постсоветского массового исторического сознания в республике. Его произведения последнего десятилетия, написанные блестящим стилем опытного публициста, держащие читателя в постоянном напряжении, охватывают по странному совпадению те сюжеты, которые актуальны в республике сегодня и совпадают с идеологическим климатом, сложившимся в Башкортостане в 90-е годы, и политическим курсом, проводимым местной властью.

Необходимо заметить, что высшее руководство Республики Башкортостан не дает программных установок, касающихся интерпретации местного прошлого, напрямую, как это делают, например, нынешние президенты Казахстана, Белоруссии, Грузии⁸⁷, а предпочитает использовать для этого писателей, журналистов, историков, которые не должны выходить за рамки официальной идеологии. Не удивительно, что именно Шафиков как один из лучших башкирских публицистов, пишущих на русском языке, был выбран идеологами республиканского суверенитета на роль ретранслятора их установок в общественную среду. За последние годы Шафиков опубликовал несколько книг, среди них выделяется объемистый сборник исторической публицистики «Крючья под ребро» (1993), главной темой которого является национально-освободительная борьба против России во всех ее явных или скрытых формах (вооруженной, политической, культурной). В этой наполненной «ужасами» книге собственно история и история культуры башкирского народа поданы как перманентный процесс геноцида как со стороны русских «колонизато-

ров», так и со стороны татар (иногда упоминаются и более мелкие «изверги»). В последующих книжных, газетных и журнальных публикациях исторические взгляды автора не подверглись существенным изменениям.

«Я прекрасно понимаю, что ничего нового не вношу... ничего не открываю и не добавляю», – таким пассажем открывается книга Шафикова⁸⁸. Это не совсем верно. Писатель излагает то видение национальной истории, которое необходимо идеологам суверенного Башкортостана, поскольку до этого «целый ряд русских, татарских и некоторых официальных башкирских историков сделали все, чтобы превратить в... тухлое мясо историю башкирского народа»⁸⁹. Без всякой аргументации, чисто эмоционально Шафиков пытается пересмотреть тезис о добровольности вхождения Башкирии в состав России⁹⁰. Игнорируя надежно установленные наукой факты о в целом демократичном характере отношений между этносами Урало-Поволжья, он пытается обвинить не только правящую верхушку Российской империи, но и весь русский народ в жестокостях колониальной политики самодержавия: «...эти пришельцы (крепостные крестьяне. – *И.К.*) тотчас превратились в кровных врагов коренного населения, готовы были горло перегрызть каждому, кто осмеливался покуситься на новообретенные ими владения»⁹¹. Шафикова вообще привлекают сюжеты этнического противостояния в прошлом, которые под его смелым и бойким пером актуализируются и становятся «злободневными», искусственно подогревают и провоцируют массового неискушенного читателя.

«Философия истории» Г.Шафикова, на которой построены все его крайне прямолинейные трактовки историко-публицистического характера, чрезвычайно оригинальна. Научные дискуссии о прошлом башкирского народа, его территории, численности, экономическом положении, военных силах и т.д. Г.Шафиков воспринимает через призму симпатии или антипатии к этому народу (?!)⁹². Нельзя не отметить, что на страницах публицистики Г.Шафикова постоянно подвергаются необоснованным, граничащим с клеветой огульным обвинениям многие деятели отечественной (не только российской, но и башкирской, татарской) науки, культуры, политики. Так, в «Крючьях под ребро» выдающийся русский историк Н.В.Устюгов (1896-1963), посвятивший немало страниц жесточайшим репрессиям царизма в отношении участ-

ников башкирских восстаний XVII-XVIII вв., восстановивший подробный ход этих движений, но в силу обстоятельств своего времени осудивший эти восстания, был объявлен Шафиковым «одним из рьяных проводников... уродливой официальной политики в отношении народных выступлений против Российского государства»⁹³.

Другой особенностью исторического творчества Шафикова является его постоянное внимание к историографии с обязательным навешиванием ярлыков на авторов тех или иных сочинений. При этом писатель почему-то одинаково, без учета историографического контекста, в котором они создавались, подходит и к сочинениям столетней давности, и к работам последних лет. Так, приводя многочисленные примеры из уже давно морально устаревших трудов, он использует их в качестве доказательств своего главного вывода – почти вся русская историческая наука только и делала, что фальсифицировала башкирскую историю в угоду российскому колониализму.

В целом работы Шафикова не являются новаторскими, как их стараются представить в официальной пропаганде, а воспроизводят концепции советской историографии времен М.Н.Покровского (1920-е годы), когда сама история русского народа была объявлена преступной и подлежащей всяческому поношению и разоблачению.

Говоря о роли художественной литературы и публицистики в формировании массового исторического сознания, нельзя преуменьшать ее влияние. Социологические исследования показывают, что «большой популярностью среди массового башкирского читателя пользуются произведения с историческим содержанием. Особенно часто респонденты называют романы А.Хакимова «Кожаная шкатулка», «Нет спасения от бури», Я.Хамматова «Золото собирается крупичками», «Черное нашествие», Р.Баимова «Полет сокола», Б.Рафикова «Кунгак», К.Мергена «Крыло беркута», З.Биишевой «Униженные», Г.Ибрагимова «Кинзя», в которых нашли отражение различные этапы истории башкирского народа. Исторические произведения отличает ярко выраженный этнический колорит, так как авторы широко привлекают фольклорно-этнографический материал»⁹⁴.

«Историки в значительной мере создают как историю страны, так и нацию. Именно они формируют понимание прошлого, заставляют людей забывать одни события и хорошо запоминать другие, воспитывают морально-культурные традиции, национальное самосознание и на-

циональное достоинство»⁹⁵. Поэтому полагать, что «подвешивание истории за ребра», практикуемое ныне частью этнически ориентированной интеллигенции республики на страницах средств массовой информации, носит абсолютно безобидный характер, было бы неверно. Такого рода литература, далекая от подлинной науки, но зачастую принимающая наукообразную форму, не только дает превратное представление о сложном процессе этнокультурного взаимодействия в регионе, но и внедряет в массовое сознание идеи национальной исключительности, скрытой вражды к соседу, не мобилизует общество на созидание и выработку механизмов межэтнического сотрудничества, а нагнетает напряженность и конфликтогенность в этой очень сложной сфере человеческих отношений.

5. Советский Салават и постсоветский Валиди: два мифа историографии

Советская историография в течение нескольких десятилетий своего абсолютного господства конструировала историю башкирского народа в духе интернационалистского подхода. У идеологов коммунистического государства вскоре после их прихода к власти возникла необходимость найти некую историческую фигуру, которая должна была, во-первых, стать символом (в полном соответствии с аксиомами, о которых говорилось выше) борьбы башкир за освобождение от царского гнета и, во-вторых, осуществлять эту борьбу совместно с «великим русским народом». Таким мифом советской историографии стал Салават Юлаев (1754-1800) – один из сподвижников Е.И.Пугачева в период восстания 1773-1775 гг., поэт, талантливый военачальник восставших башкир.

Выпущенная впервые в 1929 г. приключенческая повесть молодого московского писателя С.П.Злобина (1903-1965) «Салават Юлаев» мало напоминала один из главных оплотов того сконструированного партийной пропагандой мифа, которым ей со временем пришлось стать. Эксплуатировавшее обычную для советской исторической беллетристики 20-х – начала 30-х годов тему классовой борьбы

произведение было наполнено романтикой и перегружено этнографической экзотикой. Но с каждым новым изданием оно совершенствовалась, причем не только в художественном плане, но и идеологически. В сюжете повести, в дальнейшем переросшей в роман, постепенно углублялась интернациональная линия⁹⁶, в соответствии с требованиями времени в окружении Салавата появился завистливый, жадный, корыстный «враг народа» националист Бухаир (прозрачный намек на Бухарина и одновременно на Валидова), сообщник царских генералов, делающий все, чтобы погубить народного героя. Наконец в 1962 г. в последнем прижизненном издании, которое вышло после XX-XXII съездов КПСС, разоблачивших культ личности и призывавших к «коллективности руководства» партией и страной, в романе была расширена роль народных масс⁹⁷.

В 1941 г. крупный советский кинорежиссер Я.А.Протазанов снял по сценарию Злобина одноименный фильм, сразу ставший для башкирского населения культовым. Воздействие образа, созданного Злобиным и Протазановым, было огромно. В частности, после этого фильма в массовом сознании возник стереотип башкира в шапке с лисьими хвостами, которых в реальной традиции на головных уборах не было⁹⁸.

Салават Юлаев уже много десятилетий живет в романах, повестях, стихах и поэмах, спектаклях и фильмах, живописи и скульптуре⁹⁹, в государственной символике собственной, весьма далекой от реальной исторической действительности жизнью.

Для российских историков «Салават Юлаев... символ беззаветной борьбы против социального гнета и национального неравенства... братства башкир с русскими и другими народами в борьбе против угнетателей»¹⁰⁰, и, разумеется, они считают, что «в его поступках не было места национальной обособленности и ограниченности»¹⁰¹. Между тем известно, что после ухода Пугачева из Башкирии башкирские повстанцы начали активно разрушать заводы и терроризировать мирное русское население. Так, получив отказ от жителей Воскресенского и Верхотурского заводов присоединиться к восставшим, башкиры после шестидневной осады «осиля множеством своей толпы заводских жителей», захватили эти предприятия, а затем разграбили и сожгли их до основания. Почти две с половиной тысячи душ обоюбого пола были уведены в плен, где они пробыли почти полгода, выполняя «тягчайшие, несносные человечеству работы», подвергаясь различным мучениям, а жен-

щины – «обруганию»¹⁰². Эти факты не принято было упоминать в советских исследованиях: ответственность за разорение русских деревень в сочинениях отечественных историков обычно возлагалась на «реакционных» башкирских старшин¹⁰³.

Башкирские историки почему-то не учитывают, что детство Салавата пришлось на годы, когда еще была совсем свежа память о восстании 1704-1711 гг., кровавом подавлении движений 1735-1740 гг. и 1755 г. Салават сызмальства ежедневно видел массы «безъязыких» башкир – участников восстания 1735-1740 гг. (один из них выведен в «Капитанской дочке» А.С.Пушкина), слышал из уст многочисленных очевидцев предания об этом грандиозном антироссийском движении – вряд ли все это могло способствовать развитию в нем чувства интернационализма (во всяком случае в той современной форме, которую ему старалась приписать советская историография). А ведь влияние указанных исторических событий на формирование мировоззренческих взглядов Салавата Юлаева как лидера национального движения отмечалось еще дореволюционными авторами¹⁰⁴.

В российской историографии идеология участников восстания Пугачева – башкир до сих пор остается слабо изученной. Немецкая исследовательница Д.Петерс, посвятившая этому отдельную главу своего фундаментального труда¹⁰⁵, считает, что в башкирском обществе того времени почти не было сильного социального расслоения, интересы старшинской верхушки и рядовых башкир в этом восстании совпадали, а классовый антагонизм заменяло чувство национальной вражды к русским. По ее мнению, башкиры не видели большой разницы между представителями русской власти и простым русским населением, одинаково уничтожая и тех и других. «Даже такой преданный Пугачеву старшина, как Салават Юлаев, – пишет исследовательница, – не мог полностью подавить в себе ненависть к русским переселенцам, несмотря на то, что понимал необходимость общей борьбы против русского правительства».

Д.Петерс отмечает, что роль башкир в Крестьянской войне была двойственной (поддержка Пугачева и одновременно нападения на русские деревни), их движение проходило под исламскими лозунгами (весьма спорный вывод) и будучи, по ее мнению, антирусской направленности ослабляло эффективность действий Пугачева. Касаясь идеологических установок Салавата Юлаева, Д.Петерс подчеркивает, что нена-

видя в душе русских и стремясь принести башкирскому народу освобождение от России, он забывал об этом в своей практической деятельности, понимая, что успеха можно достигнуть только опираясь на союз с русскими.

В последнее время новых заметных поэтических и музыкальных произведений, живописных полотен, посвященных Салавату, не появлялось. Роман Я.Хамматова «Салават» (изд. 2000 г.), вышедший на башкирском языке, уже не стал явлением массового сознания. Советский миф о Салавате сохраняется скорее как традиция, оставаясь в памятниках и на гербе республики, но сегодня он явно неактуален. О главной черте «советского» Салавата – его интернационализме, тесной дружбе с русскими – новые власти стараются не вспоминать...

Коммунистический режим в Башкортостане, олицетворявшийся областным (с 1990 г. – республиканским) комитетом КПСС, прекратил свое существование 25 августа 1991 г. Отныне марксизм из идеологии, обязательной для всех, стал просто методом познания общественных явлений для тех, кто сохранил верность прежним воззрениям. Между тем новая идеология в Башкортостане формировалась достаточно стремительно. Новая эпоха породила новые персонифицированные мифы. Одним из них является нынешний героический идол башкирской историографии Ахметзаки Валидов (в эмиграции – Зеки Велиди Тоган¹⁰⁶, 1890-1970), пришедший на смену Салавату Юлаеву.

А.Валиди (Валидов) – видный мусульманский политик (речь идет о его этнокультурной, а не религиозной принадлежности) демократического лагеря периода революции и Гражданской войны в России, фактический глава и ведущий идеолог провозглашенной в декабре 1917 г. автономной Башкирской республики, лидер башкирского национального движения 1917-1921 гг. В 1920-1923 гг. был одним из идеологов и организаторов басмаческого движения в Центральной Азии, затем эмигрировал. Большую часть жизни Валиди провел в Турции, где стал крупным востоковедом, с мнением которого считались лидеры мировой ориенталистики. На его судьбе отразились многие драматические и трагические события двадцатого столетия.

В 30-50-е годы в советской научной литературе Валидова упоминали редко, гораздо реже, чем он того заслуживал, и при этом неизменно представляли как матерого, заклятого врага, иностранного агента,

человека с отрицательными чертами характера. Этот образ был без каких-либо корректировок заимствован беллетристикой (как уже отмечалось, находившаяся до перестройки в зачаточном состоянии историческая тематика в башкирском искусстве являлась лишь слабым художественным пересказом заидеологизированных научных сочинений). Как и во всей советской литературе, в башкирской господствовала фигура умолчания, когда дело касалось неудобных исторических личностей, но там, где без Валидова обойтись было нельзя, его изображали карикатурно¹⁰⁷. Более объективные оценки и Валидова, и национального движения 1917-1921 гг., высказанные в 50-60-е годы Б.Х.Юлдашбаевым, в башкирском историко-революционном романе того времени отражения не получили, ибо вскоре подверглись критике со стороны местных партийных идеологов¹⁰⁸, а это было напоминанием и о 1937 г., и о постановлении ЦК ВКП(б) 1945 г.

Отношение к Валиди резко изменилось в конце 1990 г., в дни столетнего юбилея, к которому была приурочена научная конференция, проходившая в Уфе. Изданная тогда библиография трудов Валиди (переведенная с турецкого издания) оказала большое впечатление на многих представителей башкирской интеллигенции. Однако огромное творческое наследие Валиди, включающее политологические, мемуарные, публицистические и чисто научные сочинения, в Башкортостане до сих пор почти не изучено¹⁰⁹, а то, что хоть как-то исследуется, подвергается идеологической стерилизации хорошо отработанными коммунистическими методами.

Власти и определенная часть гуманитарной интеллигенции пропагандируют тот образ Валиди, который необходим сегодня в качестве инструмента для идеологической и политической борьбы. Он крайне идеализирован и мифологизирован, его конкретное воплощение во многом напоминает нынешние культы средневекового завоевателя Тимура в Узбекистане, ханов, баев, деятелей партии «Алаш» и Чингисхана в Казахстане, Давида Строителя в Грузии¹¹⁰. Многочисленные работы о жизни и деятельности Валиди, вышедшие за последнее десятилетие в Башкортостане, охватывают самый широкий спектр жанров – от научного исследования до стихотворения и пьес – и в совокупности составляют своеобразную «валидиану»¹¹¹.

У истоков посмертного обожествления в Башкортостане Валиди стоял уже упоминавшийся писатель и публицист Шафиков. Свою пер-

вую работу о нем он опубликовал в 1990 г. и в дальнейшем не раз обращался к этой ставшей не только актуальной, но и прибыльной теме. Литератор широких дарований (он выступает как прозаик, журналист, поэт, переводчик, драматург, сценарист и т.д.), Шафиков «заходил» на Валиди с разных жанров – газетного очерка, перевода на русский язык «Воспоминаний»¹¹², пьесы, эссе, документального фильма и в конце концов романа. Для Шафикова значение столь любимого им героя выражается в следующем: «А что будет, если на башкирский и другие тюркские языки и, конечно, на русский язык будут переведены другие важнейшие труды турецкого историка (Валиди. – И.К.)? Ведь все эти семидесятилетние Гималаи учебников истории, пособий, хрестоматий, исследований, монографий, популярных изданий и прочей обслуживающей Систему литературы превратятся в макулатуру. Впрочем, это уже произошло!»¹¹³

На сегодняшний день в Башкортостане издано несколько похожих друг на друга биографий нового мессии. Основой для них является апологетическое прочтение «Воспоминаний» Валиди¹¹⁴, которые в современном башкирском валидоведении имеют самостоятельную ценность и не нуждаются в корректировках другими источниками. При этом каноническим переводом «Воспоминаний» в Башкортостане считается тот, который издан в Уфе (в 1994-1998 гг. на русском языке и в 1996 г. – на башкирском). Оба эти варианта подготовлены одними и теми же людьми, недостаточно хорошо знающими язык оригинала (надо отметить и тяжелый стиль Валиди¹¹⁵), не специалистами в данном вопросе, которые совершенно не ориентируются в огромном политическом и научном мире своего соотечественника¹¹⁶.

Один из переводчиков упомянутых «Воспоминаний», кандидат философских наук А.М.Юлдашбаев – крупный чиновник в администрации президента РБ, издал серию своих работ о Валиди, причем от публикации к публикации они уточняются с постепенным расширением познаний автора по этой теме. Так, неточно переведя последнее письмо Валиди к Ленину¹¹⁷ (а этот перевод уже получил распространение в местной литературе¹¹⁸), А.М.Юлдашбаев без оговорок исправил его в последующих своих публикациях¹¹⁹, приняв таким образом критику С.М.Исхакова.

Явно идеологическую обусловленность носит перевод на русский язык книги Тунжера Байкары «Заки Валиди Тоган» (Уфа, 1999).

Лишь героические усилия переводчиков (А.М.Юлдашбаева и Р.М.Булгакова), включивших в книгу значительные дополнительные материалы, позволили дотянуть этот типичный образец турецкой историографии до мало-мальски приемлемого в российской науке уровня. Впрочем, это не помешало Т.Байкаре получить премию имени Валиди, учрежденную в Башкортостане для исследователей и издателей творчества национального героя. Издатели же более или менее научного перевода «Воспоминаний», вышедшего в Москве, такой чести, естественно, не удостоились.

Приложил свою руку к «валидиане» и видный башкирский литературовед, академик Академии наук РБ Г.Б.Хусаинов (г.р. 1928). С характерным для него издательским экспансионизмом он опубликовал биографию Валиди сначала в литературном журнале «Агидель», затем отдельной книгой на башкирском языке, и потом уже в русском переводе на страницах ежемесячника «Ватандаш». На страницах книги Хусаинова сложнейшая и исключительно противоречивая личность лидера башкирского национального движения предстает в виде полубога, гениального с рождения и избежавшего какой-либо эволюции в своем развитии. Это слащавое, апологетическое сочинение никаких новых знаний по теме не добавляет (за исключением некоторых сведений о предках, семье, родителях и юности героя¹²⁰), повторяя то, что было опубликовано за последнее десятилетие в республике. Более того, оно изобилует неточностями (особенно в разделах, освещающих научную деятельность Валиди в эмиграции¹²¹), свидетельствующими об очень поверхностном знании предмета¹²².

Существует и беллетристическая обработка «Воспоминаний» в форме художественного романа «Полет беркута»¹²³, написанного членом-корреспондентом Академии наук Республики Башкортостан Р.Н.Баймовым (г.р. 1937) и сразу же удостоенного главной награды республики в области литературы и искусства – Государственной премии имени Салавата Юлаева. По объему роман приближается к своему первоисточнику – «Воспоминаниям» Валиди и повторяет все оценки и неточности, имеющиеся в этих мемуарах¹²⁴. Общий тон романа довольно спокойный, автор не сводит трагедию тогдашнего противостояния лишь к этническому аспекту.

Свою версию валидовского движения дал в романе «Расстрел» (1998), опубликованном на русском языке, Г.Шафиков. В отличие

от книги Р.Баимова, главными героями произведений Г.Шафикова являются вымышленные персонажи, хотя Валидову отводится немало страниц (он показан в соответствии с господствующими сегодня официальными установками упрощенно и идеализированно). Сильным с точки зрения художественности роман Шафикова назвать нельзя: изначальная идеологическая заданность, идеализация башкирского национального движения, противопоставленного животному шовинизму Москвы, прямолинейные образы извергов-русских, обрусевших башкир-предателей, натуралистические сцены с этнической окраской, вообще характерный для этого писателя в последние годы антирусский смысловой подтекст превратили книгу в подобие произведений соцреализма 40-50-х годов с их схематичными персонажами и стандартным сюжетом. Тем не менее в предисловии к книге говорится: «...роман Газима Шафикова несет правдивую и доступную информацию о трагических событиях тех лет. Необходимо подчеркнуть, что Г.Шафиков имеет глубокое и всестороннее представление о драматических страницах истории национально-освободительной борьбы: он хорошо знает архивные документы, опубликованные источники, историческую литературу»¹²⁵.

Следует отметить, что как и в Советский период, в сегодняшнем Башкортостане объективно исследовать личность А.Валиди и башкирское национальное движение невозможно. Изгнав из республики все оппозиционные средства массовой информации, ее руководство проводит не менее жесткую линию и в сфере идеологии, частью которой является историческая наука и краеведение. Ни одна работа С.М.Исхакова, основанная на материалах центральных архивов, в Башкортостане не публикуется. Выпущенный им сборник документов¹²⁶, раскрывающий лишь одну грань деятельности Валиди в эмиграции, а именно – сотрудничество с польской и советской разведкой в 20-30-е годы, получил от одного из официальных исследователей этой темы в республике гневную отповедь, никак не аргументированную и построенную по принципу «сам дурак»¹²⁷.

Легче было бы просто замолчать эту брошюру, что обычно власти и делают в отношении неприятных для них публикаций, но этот сборник документов, получив распространение в кругах местной интеллигенции, видимо, пошатнул мифологическую конструкцию, выстроенную за десять лет официальными идеологами республики, и бро-

сил тень на утвержденного свыше новоявленного «святого». Ни словом не оценив опубликованные Исхаковым документы, рецензент попросту заявил: «...следовало ли вытаскивать переписку З.Валиди и ложно истолковывать изложенные там факты... Документы явно вытаснены из спецхранов. Не логичнее ли в данном случае предположить, что сам составитель сборника «Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева» слишком связан с известной службой и выполняет чью-то волю?»¹²⁸

Именно так изучают прошлое в современном Башкортостане: все, что противоречит официальной идеологии (в данном случае – работа «бескорыстного» и морально «безупречно чистого» национального героя на польские и советские спецслужбы да еще и за деньги), должно быть спрятано за семью замками, а всякий, кто попытается вскрыть эти сейфы и сделать их содержимое достоянием общественности, сразу же оказывается с чем-то «связан» и обязательно «выполняет чью-то волю»¹²⁹.

6. Изучение истории небашкирского населения Башкортостана

Сегодня в Башкортостане проживают представители более 70 национальностей. Большинство населения республики составляют русские, однако изучены они весьма слабо. «Мы ничего не знаем о русских, живущих в Башкирии уже более 300 лет. Мы слишком мало обращаем внимания на это дело», – говорили краеведы много лет назад¹³⁰.

Спустя более восьми десятилетий положение мало изменилось. В отличие от соседнего Татарстана, специальных исторических этнографических исследований русского населения Республики Башкортостан не проводилось, за исключением эпизодических наблюдений, почти не отраженных в республиканской историографии. Приходится признать, что совершенно не изучена материальная и духовная культура русских РБ, имеющая свою специфику в силу многовекового проживания этой этнической группы в условиях полиэтничного окружения, отсутствуют

какие-либо исследования об участии русского населения края в процессах межэтнического взаимодействия и т.д., то есть внимание специалистов не привлекали даже предельно безобидные вопросы. Такое парадоксальное положение вынуждены признать даже чиновники из властных структур Республики Башкортостан¹³¹.

Несколько лучше обстоит дело с фольклором, который уже несколько десятилетий активно собирают преподаватели и студенты филологического факультета Башкирского государственного университета, но он тоже недостаточно полно публикуется и исследуется. Благодаря энтузиазму и большой энергии доктора филологических наук, профессора БГУ З.П.Здобновой и ее коллег в Башкортостане активно ведутся диалектологические исследования, охватившие почти всю республику. Их результатом стал выход серии диалектологических атласов и «Словаря русских говоров Башкортостана» (Уфа, 1998-2000. Т.1-2-; издание продолжается), имеющего огромное научное и культурное значение не только для республики. Исследование русских РБ ведется, кроме того, в Стерлитамакском государственном педагогическом институте, но оно также ограничено безобидной фольклорной и диалектологической тематикой. В конечном итоге отсутствие серьезных фундаментальных исследований по истории и культуре самой крупной этнической группы Республики Башкортостан значительно искажает знания об истории и развитии края в целом, не позволяет произвести адекватный анализ сегодняшнего состояния общества РБ и сделать прогноз его развития.

Что касается остальных народов, то небашкирское население упоминается в трудах историков Башкортостана преимущественно в контексте изучения миграций XVII-XIX вв. или в связи с проблемой припущенников (арендаторов башкирских земель). В связи с тем, что часть татар в XVII-XVIII вв. участвовала на стороне царского правительства в подавлении башкирских восстаний, а также по причине серьезной опасности ассимиляции башкир татарами в публикациях (как научных, так и популярных), выходящих в Башкортостане, довольно часто встречаются антитатарские высказывания¹³².

И раньше, и теперь критика в адрес татарского этноса в целом занимает гораздо большее место, чем резкие высказывания в отношении русских, – видимо, продолжает сказываться десятилетиями насаждавшийся страх наказания за антирусские выступления, хотя

жестокости колониальной политики России в Башкирии (особенно в XVIII в.) намного превосходят любые попытки татар вытеснить башкир из их социокультурного, географического и исторического пространства, а ассимиляция башкир русскими гораздо сильнее, чем татарами¹³³.

Антитатарские выпады – постоянная составляющая публицистики Шафикова¹³⁴. Он разрабатывает эти сюжеты всесторонне – от собственного взгляда на историю взаимоотношений двух народов¹³⁵ до противопоставления независимых и окруженных романтическим ореолом кочевников-башкир¹³⁶ покорившимся и превратившимся в чиновников, книгочинителей, торговцев и ремесленников «западных соседей», которые внедрились «в поры других народов»¹³⁷. В целом же татары рассматриваются этим автором в качестве «внутренних врагов»¹³⁸, почти так же, как русские¹³⁹. Примитивные схемы Шафикова (касающиеся не только татаро-башкирского вопроса, но и всей истории республики) отражают понимание проблем прошлого не только определенной частью местной башкирской интеллигенции, но и, очевидно, руководством РБ. История этнического взаимодействия в Урало-Поволжском регионе, конечно, была не такой идиллической, какой ее десятилетиями пыталась представить советская наука, обслуживавшая «интернационалистскую» идеологию. Тем не менее серьезный и многогранный анализ этого вопроса¹⁴⁰ показывает, что в силу многих причин в Среднем Поволжье и на Южном Урале в целом мирно сосуществовало большое число этносов и этнических групп. Это не пропагандистское заявление, а реальность, признанная всеми, в том числе и руководителями Башкортостана.

Конечно, обвинять только одну сторону в нагнетании страстей между татарами и башкирами нельзя: немало антибашкирских публикаций, «приватизирующих» самостоятельную историю башкирского этноса, издается и в соседнем Татарстане, что отнюдь не служит сохранению межнационального мира и согласия. Примером могут служить книги татарского писателя Айдара Халима последнего десятилетия, во многом изоморфные публикациям Г.Шафикова. Халим не только борется с «колониализмом Москвы», но и сам как заправский колонизатор ведет яростный бой с «братьями меньшими», не стесняясь в выражениях по адресу соседнего родственного народа.

В целом приходится признать, что положение с изучением небашкирского населения Башкортостана далеко не соответствует той роли, которую оно играет в жизни республики, и дальше благих намерений, время от времени высказываемых официальными лицами РБ, дело пока не идет. Судя по средствам массовой информации, Башкортостан является не многонациональным, а моноэтническим регионом. Однако попытка Башкирского телевидения сделать регулярной передачу, посвященную жизни населяющих республику этнических групп, не удалась, и передача как-то незаметно ушла в небытие.

7. Некоторые общие замечания о постсоветской башкирской историографии

Подведем некоторые итоги. Советская историография истории национальных административно-территориальных единиц, составлявших СССР, по сути своей была построена на принципах мифологического мышления и излагала миф творения¹⁴¹.

В соответствии с принципом космогонического и этиологического мифа, советская историография широко использовала тезис, что когда-то (то есть до 1917 г.) все было наоборот¹⁴². При этом высшей ценностью (максимумом сакральности) обладала «та точка в пространстве и времени, где совершился акт творения, т.е. «центр мира», и «в начале», т.е. само время творения. Космогонические мифы и космологические представления связаны с этими координатами, задающими схему развертывания всего, что есть в пространстве и времени, организующими весь пространственно-временной континуум»¹⁴³. Поэтому главные принципы исторических описаний, характерные для советского периода, поразительно похожи на принципы космогонического мифа (небытие, предшествовавшее творению, уподобляется хаосу¹⁴⁴; описывающий состояние до творения помещает себя в эпоху, когда космос и все его части уже созданы¹⁴⁵ и т.д.). Отсюда господствовавшее в советской науке представление о периоде до октября 1917 г. как эпохе всеобщего угнетения, зла, подавления¹⁴⁶. В этом же типологическом ряду стоит тезис об отсутствии «раньше» письменно-

сти и культуры (которые якобы дала народам только Октябрьская революция, выступающая здесь уже в роли культурного мифологического героя¹⁴⁷) и т.п.

Воюя с «наследием великодержавного шовинизма», коммунизма, царского колониализма и советского тоталитаризма, республиканская гуманитарная наука и национально ориентированная историческая публицистика тем не менее широко используют весь арсенал применявшихся указанными «измами» исследовательских приемов, зачастую крайне нечистоплотных. Мифологический характер советской историографии был целиком воспринят ее преемницей с той лишь разницей, что теперь в основу местной науки положен миф о «золотом веке», когда этнос был сильным, его душа чиста и непорочна, а уровень культуры ставил его в один ряд с великими цивилизациями прошлого¹⁴⁸. Разумеется, это был период «до империи»¹⁴⁹. Поэтому говоря о мифологизме и мифотворчестве, захлестнувшем (к счастью, не полностью) историческую науку суверенного Башкортостана (и не только)¹⁵⁰, мы используем эти термины не в переносном, а в прямом значении.

Смена тоталитарного коммунистического режима на авторитарно-этнократический не привела к каким-либо существенным изменениям в методологии работы историков Башкортостана, которая в основе своей до сих пор остается квазимарксистской. Как точно заметили авторы недавнего коллективного труда по историографии постсоветских государств, «современный «национальный историк» все равно родом из СССР»¹⁵¹. Постсоветская башкирская историография осуществила лишь смену оценочных знаков и фигур при сохранении прежних приемов исследования (либо завуалированный классовый подход, либо противопоставление отдельных частей общества друг другу по иным, например этническим, параметрам), методов полемики (полускрытое навешивание политических обвинений, только уже не в буржуазном подходе, а в великодержавном шовинизме, подрыве суверенитета и т.п.), цензуры, прямого преследования инакомыслия (невозможность опубликования в республике социологических и политологических исследований, затрагивающих интересы власти). Связь идей, господствующих сегодня в башкирской историографии, с самой природой нынешнего режима республики неоспорима¹⁵².

Нынешняя башкирская историография восприняла все худшие черты историографии советской, многое заимствовано из исследова-

тельских приемов периода самого оголтелого великорусского шовинизма 40-50-х годов, того самого шовинизма, борьбу с «последствиями» которого так рьяно ведут сегодня на страницах ученых трудов местные этнократы от науки. Так, «открытия» С.Галлямова в основе своей лишь развивают «научные» идеи сталинского славяноведения 40-50-х годов, при этом слова «славянский», «русский» заменяются на «тюркский» и «башкирский». Ненаучными являются попытки изучать историю национального движения после революции, руководствуясь только оценками «Воспоминаний» А.Валиди – глубоким, ярким, мощным, но субъективным источником, и возвести на пьедестал, с которого только что сброшены прежние кумиры, автора этих мемуаров¹⁵³. Наука должна воспринимать мир не радужным, а многоцветным, давать оценку историческим деятелям в контексте их эпохи и, конечно, не следует приписывать им то, о чем они даже не подозревали. Необходимо опираться на широкую источниковую базу, а не на отдельные непрофессиональные переводы и публикации.

Современная историческая наука, творящаяся в различных академических и высших учебных учреждениях Уфы, Sterлитамака и Бирска, по сути своей глубоко эклектична. В 90-е годы в ней спокойно сосуществовали схемы сорокалетней давности о классовом характере русско-башкирского сотрудничества в Крестьянской войне 1773-1774 гг.¹⁵⁴, прогрессивности внедрения на башкирской земле горнозаводской промышленности, разрушившей экономику и социальную структуру традиционного башкирского общества¹⁵⁵, и новейшие версии происхождения титульного этноса, охватывающие чуть ли не весь Старый Свет (как всего лишь полвека назад было со славянами).

Этот эклектизм не имеет ничего общего с подлинным плюрализмом. Он свидетельствует о низком уровне исторических исследований, об отсутствии ярких школ, которые не могут родиться и нормально существовать в условиях постоянных межличностных и цеховых склок, клановости, засилья посредственностей, идеологического давления, опасений получить ярлык «противника республиканского суверенитета». Да и о каком расцвете может идти речь, если находящиеся на полуголодном пайке научные кадры (это беда не местной, а всей современной российской науки) в условиях суверенного Башкортостана (как и во времена господства обкома партии) лишены возможности нормальной полемизировать.

Публикуемые в республиканской печати рецензии на работы, написанные в русле официальной идеологии, имеют хвалебный тон (как, например, было с книгой Н.А.Мажитова и А.Н.Султановой), а то, что противоречит формируемому властями образу исторического прошлого (упоминавшийся выше сборник переписки А.Валидова и М.Чокаева), становится объектом односторонней политически-обвинительной критики. Ученое сообщество Башкортостана вынуждено принимать схемы, спущенные «сверху» и активно разрабатываемые находящимися на службе у новой идеологии научными чинами¹⁵⁶.

Отсутствие подлинной свободы творчества и этнократический фундамент официальной идеологии нынешних властей Республики Башкортостан являются главной причиной того, что современная башкирская историография по-прежнему является не исторической наукой в подлинном смысле этого слова, а «Историей КПСС»¹⁵⁷. По верному замечанию В.Булдакова, обычные историки изучали источники и на их основе делали свои выводы, а историки КПСС сначала обращались к решениям руководящих партийных органов, а затем через их призму интерпретировали исходный материал¹⁵⁸.

Историческая наука в Башкортостане может возродиться только в том случае, если башкирская историография будет интегрирована в мировой историографический процесс, государство будет с должным уважением относиться к труду ученого, а не бросать ему крохи с богатого стола и, наконец, если официальный этнократический курс, проводимый не только в политике, но и в идеологии, будет заменен этническим плюрализмом. Только это в конечном итоге приведет к достижению гармонии между населяющими республику народами на основе взаимообогащения культур, к познанию и сохранению потомками многоэтничного культурного наследия, сбережению всего лучшего, что было создано предшествующими поколениями.

Примечания

¹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 125-126.

² Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // *Реальность этнических мифов*. М., 2000. С. 13.

³ Аймермахер К., Бордюгов Г. «Свое» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 13. См. также: Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. С. 66-68. Подробное описание универсальных компонент этноцентристских версий прошлого в постсоветской мифоисторической литературе см.: Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы... С. 18, 22-23.

⁴ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. «В процессе формирования нации без мифотворчества не обходится ни в одной стране» (Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. I. С. 15).

⁵ Исхаков С.М. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском...

⁶ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Там же. С. 63.

⁷ Чтобы не уходить далеко в сторону от темы моей статьи и не обращаться к предшествующим критическим выступлениям против Б.А.Рыбакова, звучавшим в научной периодике эпохи перестройки, укажу на краткое изложение сути вопроса в одной из новейших работ: Коренько В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. С. 44-45.

⁸ Юлдашбаев Б.Х. История Башкирской АССР (несколько раз переиздавалась в 60-80-е годы).

⁹ Это не упрек в адрес автора учебника, который лишь выполнял порученное ему партийными властями задание и был ограничен его рамками. Выпущенное в 1995 г. учебное пособие «Новейшая история Башкортостана», как и яркие публицистические выступления на страницах республиканской прессы в первой половине 90-х годов, свидетельствуют о незаурядном таланте Б.Х.Юлдашбаева, одного из виднейших историков Башкортостана, находить путь к сердцу читателя.

¹⁰ Подробнее см.: Иргалин Г.Д. Политические репрессии в Башкирии // Трудный путь к правде. Уфа, 1997.

¹¹ Так было не только в Башкирии, а во всем тогдашнем Советском Союзе. В 30-е годы под запретом оказалось изучение истории и культуры народов, особенно в той их части, где подчеркивались их самобытность, героическое прошлое, сопротивление завоевателям и «обрусительной» политике (Исхаков С.М. История народов Поволжья и Урала... С. 276).

¹² Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 540.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 542.

¹⁵ Бордюгов Г., Бухараев В. Указ. соч. С. 62.

¹⁶ Вероятнее всего, научную историческую литературу как тогда, так и теперь читает в основном гуманитарная интеллигенция, а историческую беллетристику – интеллигенция в более широком значении этого слова.

¹⁷ О вхождении башкир в состав России в XVI в. – беллетризация основных положений книги А.Н.Усманова 1960, 1982 гг.

¹⁸ На эту же тему, написана в 1982 г. к 425-летию юбилею события. «Послы Урала» уже давно не ставятся на сцене из-за пропагандируемой в них идеи «добровольного вхождения Башкирии в состав России». И это несмотря на то, что общая концепция оперы восходит к положениям книги А.Н.Усманова, с которыми до сих пор согласны большинство башкирских историков (см.: Асфандияров А.З. Еще раз о характере присоединения Башкортостана к России // Востокведение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Ч. III; Акманов И.Г. Еще раз о присоединении башкир к Русскому государству // Ядкяр. 1996. № 1).

¹⁹ Впервые исполнена в Москве во время проведения дней башкирской культуры 1955 г.; не раз совершенствовавшаяся в последующих редакциях, она воплощает тем не менее общую трактовку Салавата в романе С.П.Злобина (либретто башкирского поэта Баязита Бикбая). «Салават Юлаев» идет на сцене театра до сих пор, он не подвергся какой-либо «постсоветской» переработке и скорее является данью признательности крупнейшему башкирскому композитору, ставшему символом башкирского профессионального искусства XX в.

²⁰ Художественная переработка книги: Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964 (об участии башкирских полков в войнах России с Наполеоном).

²¹ Бордюгов Г., Бухараев В. Указ. соч. С. 62.

²² Там же. С. 63; Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском... С. 75-77.

²³ Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: Этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

²⁴ Подробнее о периоде до и вскоре после 1934 г. в исторической науке СССР см.: Бордюгов Г., Бухараев В. Указ. соч. С. 27-49.

²⁵ Я, в отличие от В.А.Шнирельмана, полагаю, что это было не новым для отечественной науки явлением, а ее возвратом (после некоторого перерыва и, конечно, на ином уровне) к традициям дореволюционной российской историографии. Соответственно, я не ставлю перед собой задачу выяснить сходства и различия (в первую очередь в методике и идеологии) советских и дореволюционных этногенетических исследований.

²⁶ Шнирельман В.А. Злоключения одной науки... С. 61-63.

²⁷ Там же. С. 64. М.Ферро показал сходные тенденции в африканской постколониальной историографии (Ферро М. Указ. соч. С. 29-32).

²⁸ Руденко С.И. Башкиры. М.; Л., 1955. С. 330-339.

²⁹ Там же. С. 342-347.

³⁰ Там же. С. 340.

³¹ Там же. С. 351.

³² Там же. С. 347. Как видим, тюрками Руденко считал и признаваемых сегодня большинством ученых за индоиранцев савроматов.

³³ Руденко С.И. Указ. соч. С. 347.

³⁴ Там же. С. 351.

³⁵ Там же. Признание Руденко тюркоязычности савроматов тоже привлекает внимание к его теориям современных мифоэтногенетиков из тюркских государств, в историографиях которых, как известно, скифы, мидийцы, шумеры и др. недостаточно изученные древние народы объявляются исконными тюрками.

³⁶ Решетов А.М. С.И.Руденко – антрополог, этнограф, археолог // С.И.Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 22.

³⁷ Бордюгов Г., Бухараев В. Указ. соч. С. 59. «Советская историческая и археологическая наука, – писал в те годы видный башкирский лингвист Т.Г.Баишев (1886-1974), – окончательно установила, что башкиры являются аборигенами на занимаемой ими территории» (Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955. С. 8).

³⁸ Руденко С.И. Указ. соч. С. 329.

³⁹ Тамга – знак родовой принадлежности, передающийся по наследству. Тамгами клеймили скот, бортевые деревья, межевые знаки, служившие для обозначения границ земельных угодий и т.д. Башкирские тамги представляют собой геометрические рисунки, симметричные относительно одной или нескольких линий.

⁴⁰ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. С. 166.

⁴¹ Преимущественно двадцати-сорокалетней давности, и это при том, что прирост знаний в этой отрасли исторической науки происходит стремительно и еще вчера казавшиеся твердо установленными выводы сегодня могут быть решительно пересмотрены.

⁴² Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 71. Для Мажитова, что не раз отмечалось в работах его коллег-археологов, характерна полная смена взглядов от публикации к публикации.

⁴³ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 75.

⁴⁴ Захлебываясь от восторга, писатель Г.Шафиков – один из ведущих исторических мифотворцев в Башкортостане – восхищается тем, что С.Галлямов знаком с работами западных авторов (Шафиков Г. Дыханье жгучее истории. Уфа, 1998. С. 310, 329), в которых якобы и содержится истинная история башкирского народа (Там же. С. 321). Однако внимательный читатель (Шафикова к таковым, увы, отнести нельзя) обратит внимание, что ссылки на западные исследования С.Галлямов дает по многотомной советской «Археологии СССР» (Галлямов С. «Урал-батыру» – 4 тысячи лет // Шонкар. 1995. № 6. С. 7, 11, 40).

⁴⁵ Галлямов С. Великий Хау Бен: Исторические корни башкортостанско-английского языка и мифологии. Уфа, 1997. С. 186.

⁴⁶ Шнирельман В.А. Злоключения одной науки... С. 61.

⁴⁷ Максютова Н. Предисловие // Галлямов С. Великий Хау Бен... С. 7.

⁴⁸ Там же. С. 9.

⁴⁹ Галлямов С. Великий Хау Бен... С. 18.

⁵⁰ Там же. С. 59.

⁵¹ Там же. С. 311. Подобным же тоном, только по отношению к казахам, отличается наполненная принявшим крайние формы великорусским шовинизмом книга Н.В.Гунькина «Казачий кулак против экспансии инородцев» (М., 1998), призывающая к вооруженному захвату постсоветских государств и чуть ли не к истреблению нерусских народов (см.: Константинов С., Ушаков А. Указ. соч. С. 81).

⁵² Галлямов С. Великий Хау Бен... С. 201. Опять автор не отличается оригинальностью мышления: в 40-е годы известный советский археолог С.П.Толстов противопостав-

лял якобы невежественные и дикие германские племена высокоцивилизованным славянам (Шнирельман В.А. Злоключения одной науки... С. 63).

⁵³ Галлямов С. Великий Хау Бен... С.213.

⁵⁴ Там же. С. 311.

⁵⁵ Там же. 154, 201. Уместно в этой связи привести слова В.А.Шнирельмана: «Этнонационалистической версии истории свойственна тенденция к гигантомании. Ведь если только данный народ призван нести миру свет, то для этого он должен путешествовать по всему земному шару, не ограничиваясь каким-либо одним, пусть и крупным регионом. Логически, рационально объяснить эту «страсть к перемене мест», равно как и культуротворческую миссию данного народа, не представляется возможным. Поэтому этнонационалистическая идеология неизбежно должна прибегать к мистической, иррациональной аргументации. Такого рода аргументом и служит, в частности, идея мессианства. Ведь без нее никак нельзя объяснить, в силу каких причин именно данный народ в отличие от всех других обладает необычайными творческими потенциями и почему он обязан вести за собой все человечество» (Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы... С. 21).

⁵⁶ См.: Шнирельман В.А. Злоключения одной науки... С. 62.

⁵⁷ Галлямов С. Великий Хау Бен... С. 317.

⁵⁸ «Проведено серьезное научное исследование башкирского языка, выполнение которого было бы под силу разве что коллективу квалифицированных лингвистов», – так оценивает «творчество» С.Галлямова упомянутая доктор филологических наук (см.: Максютова Н. Указ. соч. С. 9).

⁵⁹ Коренько В. Указ. соч. С. 37. К сожалению, нередко сами исследователи создают почву для политического этномифотворчества. Так, востоковед В.В.Емельянов пишет о «поразительной близости» государств древнего Южного Двуречья и социалистических режимов XX в., о Шумере как «подсознании человечества», особой «целительности шумерской культуры» и ее шекспировской гениальности (Емельянов В.В. Древний Шумер: Очерки культуры. СПб., 2001. С. 27-29; 281-282)! Стоит ли после этого строго судить С.Галлямова за его попытки доказать генетическое родство башкир и шумеров (см.: Галлямов С. «Урал-батыру» – 4 тысячи лет)? Не вдаваясь в историографию проблемы тюрко-шумерского родства, отмечу, что эта идея восходит к британскому востоковеду Генри Раулинсону (1810-1895), который определял шумерский язык как «скифский или тюркский», затем – как монгольский и в конце концов остановился на тюркской гипотезе. Принадлежность шумеров к тюркам сторонники этой гипотезы доказывают на основе очень редких (как считают специалисты, случайных) совпадений слов в этих языках, а также их агглютинативности (Емельянов В.В. Указ. соч. С. 27-29). Но в мире очень много агглютинативных языков, однако мифотворцев от истории они почему-то не интересуют. Более того, в разное время высказывались предположения об иных этнических корнях шумеров, в частности, финно-угорских, но эти варианты политическую окраску не получили – национальные движения тех же финно-угров в России не столь мощные, как тюркские, и их идеологические постулаты имеют несколько иные сюжеты.

⁶⁰ Иванов В.А. Путиами степных кочевий. Уфа, 1984. С. 117.

⁶¹ Коррекцию своих взглядов в направлении традиционных подходов В.А.Иванов продемонстрировал в книге «Откуда ты, мой предок?» (СПб., 1994. С. 86).

⁶² Котов В.Г. Шульган-Таш – культовый центр Южного Урала // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Мат-лы межрегиональной научной конференции (К 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН). Уфа, 2001. С. 10-11. Это сильно напоминает абсурдные построения академика Б.А.Рыбакова, считающего, что некоторые сюжеты русской сказки восходят к каменному веку. Вульгаризируя до крайности исторический подход, Рыбаков ищет в русском фольклоре следы упоминаний о мамонтах, ведь от последних представителей данного вида фауны до крестьян-сказочников XIX в. прошло всего лишь 240 поколений, что якобы не препятствует трансляции фольклорной традиции (Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 130).

⁶³ Котов В.Г. Мифология Южного Урала (К вопросу о реконструкции хтонических культов). Уфа, 1997. С. 45, 50.

⁶⁴ В.Котова подобно тому, как это сделал в отношении Н.А.Мажитова В.Кореняко (Кореняко В. Указ. соч. С. 36), можно отнести к особой категории «дилетантов» среди профессиональных историков.

⁶⁵ Зарипов А. К вопросу о роли и месте тюрков в российской и мировой истории // Ватандаш. 2000. № 1. С. 177. Кандидат экономических наук М.Аджи (Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998. С. 114) здесь назван доктором географических наук, известным московским профессором (Зарипов А. Указ. соч. С. 174). Не знаю, насколько известен в научном мире человек, защитивший в 1973 г. диссертацию «Моделирование и оптимизация процесса промышленного освоения Северо-Востока СССР с выбором индустриально-строительных опорных баз» и позже выпустивший брошюру «БАМ и промышленные комплексы Востока СССР», но огромную скандальную популярность в стране на почве истории он безусловно получил.

⁶⁶ Например: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. Указ. соч. С. 113-177.

⁶⁷ Оно в основном ограничивается беллетристикой молодого историка, философа и писателя Р.Г.Шарипова, работающего в жанре «тюркского фэнтези».

⁶⁸ Зарипов А. Указ. соч. С. 177.

⁶⁹ Там же. Сходные тенденции в современной африканской историографии см.: Ферро М. Указ. соч. С. 40-44.

⁷⁰ Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: История и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 122.

⁷¹ В сложившейся в республике ситуации со свободой слова, когда «отличная от официальной точка зрения по внутривополитическим вопросам в государственных СМИ практически не допускается» (Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан: Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 107), нормальное обсуждение и критика этих «исследований» на страницах научной печати и в средствах массовой информации невозможна. Ни министерство образования, ни Академия наук республики не занимаются вопросами разоблачения научного исторического мифотворчества, буквально захлестнувшего газеты и журналы, издающиеся в Уфе.

⁷² Вопрос о наличии письменности у башкир проделал в советской историографии определенную эволюцию от прямого отрицания этого факта (Баишев Т.Г. Указ. соч. С. 111; Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 21) до признания, что письменность существовала либо на татарском языке (Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. II. С. 238),

либо на «тюрки», который отличался от современного «народно-разговорного» башкирского языка (Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981. С. 5-6).

⁷³ В Башкортостане призывают «признать очевидную истину – история России начинается не с истории Киевской Руси, а с истории тюрков...» (Зарипов А. Указ. соч. С. 174).

⁷⁴ Руническое письмо – полуконсонантная письменность азиатских тюрков (VII–XI вв.), было распространено на территории Китая, Монголии, Сибири, Средней Азии.

⁷⁵ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 209-210.

⁷⁶ Сафуанов С. Начало большого пути (о первоначальных этапах создания письменности на башкирском языке) // Живая память. Уфа, 1997. С. 165.

⁷⁷ Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. I. С. 102.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ «Раскрутка» средствами массовой информации как России, так и Башкортостана темы Аркаима уже породила в науке и популярной литературе массу самых фантастических гипотез относительно этого города, многие из которых связаны с историческим этномифологизированием. «Так, руководитель магнитогорской фирмы «Абзелил» Аль-Фатих Фазылов, избранный в 1994 г. вождем башкирского племени тамьян, возводит истоки башкирского народа к позднепалеолитическим древностям уральской пещеры Шульган таш (Каповой пещеры) и пытается видеть в свастике отражение сути древнейшего башкирского мировоззрения. Он придает огромное значение и тому факту, что в основе планировки Аркаима лежит якобы «башкирская свастика». При этом он, разумеется, не может обойтись без оккультизма, в котором видит единственный способ познания тайн мироздания и который, по его мнению, следует преподавать в школе. Ему кажется бесспорным, что именно арийцы, вышедшие с Южного Урала, принесли остальному человечеству культуру и цивилизацию. Южный Урал он отождествляет с мифической Атлантидой, а исходной территорией арийцев называет Абзелиловский район Башкирии, где до сих пор живут члены его племени. Все это кажется ему достаточным для того, чтобы называть Аркаим и родственные ему памятники духовным наследием коренного, то есть башкирского, народа. Любопытно, что Аль-Фатих Фазылов, экономист по профессии, начал интересоваться происхождением башкир и древностями Южного Урала в 1987-1988 гг. после сенсационных открытий на Аркаиме, которые в те годы широко освещались в средствах массовой информации» (Шнирельман В. Страсти по Аркиму: Арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт. М., 2001. С. 77). Наверное единственной попыткой развеять часть мифов вокруг Аркаима на страницах прессы Башкортостана стала недавняя статья одного из профессиональных археологов республики: Федоров В. Аркаим: собрание заблуждений // Вечерняя Уфа. 2001. 20 июня. Наивные журналисты «Вечерней Уфы», чье творчество сосредоточено главным образом вокруг городского жилищно-коммунального хозяйства! Публикуя статью В.Федорова, они и не подозревали, что «собрание заблуждений» вокруг Аркаима связано не с наукой и околонучным шарлатанством, а с политикой.

«Ослепительным метеором вспыхнул Аркаим на смутном небе постсоветской действительности, заронив искры сомнений и надежд в умы обитателей России. Пройдет время, миражи исчезнут, но загадка несостоявшейся южноуральской цивилизации

еще долго будет волновать воображение исследователей. В последние годы и у журналистов, и у ученых вырабатывается более спокойное отношение к Аркаиму. В частности, признается тот факт, что вокруг Аркаима возникло много фантастических концепций и мифов. На самом деле, как считают ученые, жизнь там была не столь комфортна, как заявлялось вначале, и ни о какой гармонии древних обитателей с природой говорить не приходится. Более того, стало ясно что «страна городов» хищнически использовала местные лесные угодья и люди могли покинуть ее из-за экологической катастрофы, вызванной антропогенным фактором» (Шнирельман В. Страсти по Аркиму: Арийская идея и национализм. С. 78-79).

⁸⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 103.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 103-109. «При этом надо иметь в виду, что если письменная культура ориентирована на прошлое, то устная культура – на будущее» (Там же. С. 104).

⁸³ Там же. С. 108.

⁸⁴ Там же. С. 109.

⁸⁵ Там же. С. 106.

⁸⁶ Строка из стихотворения Г.Шафикова, помещенного в его книге «Крючья под ребро» (Уфа, 1993, шмуцтитул).

⁸⁷ Например, Э.Шеварднадзе регулярно публично выступает по проблемам грузинской истории, задавая таким образом направляющий вектор ее исследования специалистами и восприятия массами (Анчабадзе Ю. Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 167).

⁸⁸ Шафиков Г. Крючья под ребро. С. 10.

⁸⁹ Там же. С. 12.

⁹⁰ Пока еще ни одному из исследователей, даже национально ориентированному, не удалось аргументировано пересмотреть (хотя такие попытки были) добровольный характер присоединения башкир, поскольку об этом говорят сами башкирские источники – шежере (генеалогические записи). Однако сегодня отдельные историки, модернизируя старые подходы о завоевании, говорят о принуждении Россией башкир к подданству и наличии среди них промосковской группы (Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. Уфа, 1994. С. 338, 339; Зинуров Р.Н. Исторические параллели начала колонизации Башкортостана и Северной Америки // Ядкяр. 1999. № 2. С. 80). Г.Шафиков в меру своих познаний называет присоединение Башкирии к России «добровольной сдачей в рабство» (Шафиков Г. Крючья под ребро. С. 58).

⁹¹ Шафиков Г. Крючья под ребро. С. 23.

⁹² Там же. С. 27.

⁹³ Там же. С. 27, 128. Н.В.Устюгов, переживший страшные 30-е годы, окончательно выкосившие последние русские исторические школы, прекрасно понимал, к чему может привести несогласие с мнением «верхов». Его взгляд на сущность башкирских восстаний объясняется не научными, а политическими причинами – идеологическими установками сталинского режима. Однако, критикуя покойного ученого, его оппонент профессор И.Г.Акманов (г.р. 1933) лишь недавно стал признавать влияние тоталитарной системы на эволюцию взглядов Н.В.Устюгова: Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: Взаимодействие в середине XVI – XVIII вв. (к историографии вопроса) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: III Междун. науч. конф. 29 мая – 4 июня 1995 г.: Тезисы докладов. Челябинск, 1995. Ч. II. С. 10.

⁹⁴ Киекбаев М.Д. Указ. соч. С. 122.

⁹⁵ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 15.

⁹⁶ Рахимкулов М.Г. Первый роман о Салавате // Живая память. Уфа, 1997. С. 67.

⁹⁷ Сын эсера, которого чудом не поставили к стенке в 1922 г. большевики, внук (по матери) казненного чекистами видного сибирского археолога, этнографа и журналиста Н.М.Ядринцева, Злобин прошел и Бутырку (1920-е годы), и высылку в Башкирию, и немецкий плен, и запрет на печатание книг (после 1954 г.). Будучи человеком честным и искренним, он протестовал против расправы над Б.Н.Пастернаком (Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М., 2000. С. 288), против зажима молодой прозы, но никогда не забывал о милости властей, позволивших ему получить Сталинскую премию, спокойно пережить конец 30-х годов и не попасть в качестве «изменника родины» в ГУЛАГ после освобождения из гитлеровского концлагеря.

⁹⁸ Справедливости ради надо сказать, что сам Злобин был недоволен фильмом, считая его примитивным (Рахимкулов М.Г. Указ. соч. С. 65).

⁹⁹ См.: Сидоров В.В. По следам Салавата. Уфа, 1988; Рахимкулов М.Г. Воспевшие Салавата: Образ батыра в русской литературе (художественно-краеведческие очерки). Уфа, 1994; Сорокина В. Образ Салавата Юлаева в изобразительном искусстве Башкортостана // Мат-лы научной конференции «Салават Юлаев в памяти народа». Салават, 1998.

¹⁰⁰ Гвоздиков И.М. Салават Юлаев: Исследование документальных источников. Уфа, 1992. С. 232. Книга впервые вышла в 1982 г. и представляет собой публикацию кандидатской диссертации автора. В 1992 г. она была переиздана почти без изменений.

¹⁰¹ Гвоздиков И.М. Салават Юлаев... С.226; Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995. С. 78-81.

¹⁰² Мартынов М.Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Исторические записки. М., 1967. Т. 80. С. 302-303.

¹⁰³ Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа, 1999. С. 449.

¹⁰⁴ Об этом писали, например, русские писатели-демократы XIX в. Р.Г.Игнатьев и Ф.Д.Нефедов (см.: Наш Салават. Уфа, 1982. С. 41-43, 66). На эту тему имеются также фольклорные свидетельства, в частности, так называемая «Речь Салавата»: Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935. С. 212-215 (о других ее вариантах см.: Башкирское народное творчество. Уфа, 1999. Т. 10. С. 380. Прим. 24).

¹⁰⁵ См.: Peters D. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugačev. Berlin, 1973.

¹⁰⁶ В современной российской литературе его имя пишут по-разному, чаще – А.Валиди.

¹⁰⁷ Романы И.Насыри (1898-1942) «Кудей» (1936), Ф.Исангулова (1928-1983) «Перевал» (1973), «Памятники для живых» (1975), Я.Хамматова см.: Баимов Р.Н. Особенности отражения национального движения революционных лет в башкирской литературе // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Ч. II.

¹⁰⁸ См.: Юлдашбаев Б.Х. Если по-новому взглянуть на национализм, а национал-территориализм дополнить экстерриториализмом // Ресурсы мобилизованной этничности. М.; Уфа, 1997. Сам Б.Х.Юлдашбаев еще тогда, при коммунистах был уволен с работы, а в 1986 г. – исключен из КПСС.

¹⁰⁹ Из его научных трудов пока издана (преимущественно на башкирском языке) лишь ничтожная часть: сборник ранних дореволюционных публикаций, «История тюрков» и ранее не издававшаяся рукопись «История башкир». Все они опубликованы без должного научного аппарата и комментариев и подготовлены лицами, не являющимися специалистами в области тюркологии, истории, этнологии, археологии, восточной филологии и не представляющими себе современное состояние изучения в мире тех проблем, которыми всю жизнь занимался Валиди. Издание научных произведений Валиди в Башкортостане на должном академическом уровне – задача очень проблематичная в связи с отсутствием в республике квалифицированных востоковедов.

¹¹⁰ См.: Анчабадзе Ю. Указ. соч. С. 167-168; Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана. С. 191. Ср. мифологизацию личности зулусского короля Чаки в современной африканской историографии: Ферро М. Указ. соч. С. 33-36.

¹¹¹ Термин С.М.Исхакова (Исхаков С.М. Имя Валидова «популярно во всех мусульманских кругах... восточных Советских республик» // Тоган Заки Валиди. Воспоминания: Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру / Пер. с тур. М., 1997. С. 596).

¹¹² При участии А.М.Юлдашбаева.

¹¹³ Шафиков Г. Крючья под ребро. С. 202.

¹¹⁴ Впервые они были изданы в Турции в 1969 г., недавно их переиздали там вновь.

¹¹⁵ См.: Paksoy H. B. Basmachi Movement From Within: Account of Zeki Velidi Togan // Nationalities Papers. 1995. June. Vol. 23. № 2.

¹¹⁶ На альтернативное московское издание 1997 г. сослаться в Башкортостане не принято (скорее всего, местных историков смущает и отпугивает не соответствующее официальной линии нынешнего руководства республики послесловие научного редактора этого варианта перевода С.М.Исхакова). С.М.Исхаков проделал колоссальную работу по составлению комментария к книге, имеющего, на мой взгляд, самостоятельное научное значение. Московское издание можно с полным правом назвать научной публикацией этого очень сложного и по стилю текста и с точки зрения содержания произведения. Мою рецензию на него см.: Восток. 1998. № 6.

¹¹⁷ Одна из последних публикаций неверного перевода: Юлдашбаев А.М. Ахметзаки Валиди Тоган (ученый, политик, личность) // Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов. Уфа, 1995. С. 25.

¹¹⁸ Кульшарипов М.М. З.Валидов и образование Башкирской автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). Уфа, 1992. С. 151.

¹¹⁹ Тоган З.В. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры / Пер. с тур. Уфа, 1998. Кн. II. С. 154.

¹²⁰ Хусаинов Г.Б. Ахметзаки Валиди Тоган // Ватандаш. 2000. № 10. С. 139-147.

¹²¹ Например, орфографию имен западных востоковедов Хусаинов дает по принципу транслитерации (как пишется – так и слышится): Леон Каэнд вместо правильного Каэн (Ватандаш. 2000. № 10. С. 147), Ферранд вместо Ферран (Ватандаш. 2000. № 11. С. 159), Пэллот вместо Пельо (Ватандаш. 2000. № 12. С. 152), Орэл Штейн вместо Аурел Стейн (Там же), Сегледи вместо Цегледи (Там же. С. 156) и т.д. И это несмотря на то, что их написание, принятое в русской востоковедческой литературе, в большин-

стве случаев правильно дано в московском издании «Воспоминаний» Валиди (где эти имена также и прокомментированы). По-видимому, уважаемый академик, всю жизнь занимавшийся востоковедением, так и не удосужился в него заглянуть.

¹²² Хусаинов утверждает (ссылаясь на «Воспоминания» своего героя), что Валиди в 1917 г. было предложено занять ответственную должность в Министерстве здравоохранения Временного правительства (Ватандаш. 2000. № 10. С. 162). Однако С.М.Исхаков ранее доказал, что такого министерства не было, а кандидатуру Валидова рассматривали на должность министра государственного призрения (Исхаков С.М. А.З.Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6. С. 59).

¹²³ Книга опубликована на башкирском языке; на русском языке печатались отрывки в литературном журнале «Бельские просторы», а затем было выпущено отдельное русское издание.

¹²⁴ Так, Р.Н.Баимов повторил на страницах своего романа ошибочное высказывание Валиди о якобы планировавшемся назначении его в российское министерство здравоохранения (Баимов Р.Н. Полет сокола // Бельские просторы. 1999. № 1. С. 82).

¹²⁵ Кульшарипов М.М. Правда о трагедии народа // Шафиков Г. Расстрел. Уфа, 1999. С. 6.

¹²⁶ Из истории российской эмиграции: Письма А.-З.Валидова и М.Чокаева. М., 1999.

¹²⁷ Уфимский рецензент сборника переписки Валиди и Чокаева пишет, что «...автор (С.М.Исхаков. – И.К.) подобрал их письма прежде всего в соответствии со своей попыткой дискредитации З.Валиди» (Кульшарипов М.М. Ахметзаки Валиди: вымысел и правда // Ватандаш. 2000. № 5).

¹²⁸ Кульшарипов М.М. Ахметзаки Валиди: вымысел и правда. С. 170.

¹²⁹ Спокойным тоном отличается биографический очерк видного московского востоковеда Р.Г.Ланды «Ахмет-Заки Валидов (Заки Валиди Тоган)» (Восток. 2000. № 1), который постарался занять позицию «золотой середины». Наряду с критикой негативного подхода С.М.Исхакова, Ланда отметил наличие антирусских высказываний у самого Валидова и подчеркнул, что политическая карьера этого деятеля весьма сложна для объективной оценки (Ланда Р.Г. Указ. соч. С. 130, 132).

¹³⁰ Черданцев А. Новые задачи для краеведов Башкирии // Бюллетень башкирского областного бюро краеведения. Уфа, 1928. № 3. С. 12-14.

¹³¹ Пчелинцев А.А. Русские Башкортостана: история и современность // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: История и современность / Сб. трудов республиканской научно-практической конференции. Уфа, 1998. Ч. I. С. 10.

¹³² См., например: Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов. Уфа, 1995.

¹³³ Совокупный годовой тираж газет на русском языке в 6 раз превышает тираж всей периодики на башкирском языке. Статистические данные свидетельствуют, что русский язык стоит на первом месте в программах теле- и радиовещания Республики Башкортостан (см.: Габдрафиков И.М. Указ. соч. С. 89. Табл. 51-53). В абсолютном большинстве городов Башкортостана русский язык является не только основным языком общения на работе, но и, как правило, во внутрисемейном общении, причем даже в среде нерусского населения (Габдрафиков И.М. Указ. соч. С. 65). Следующая таблица показывает, на каком языке чаще всего общается население Башкортостана на работе (%).

	Язык своей национальности	Русский	Другие
<i>Башкиры</i>			
все население	34,2	55,0	10,8
горожане	6,2	91,3	3,5
<i>Татары</i>			
все население	29,5	70,1	–
горожане	6,5	93,4	–
<i>Русские</i>			
все население	99,9	–	–
горожане	99,9	–	–

Источник: Габдрафиков И.М. Указ. соч. С. 65. Табл. 35.

¹³⁴ Эта же тема звучит и у некоторых других башкирских творческих деятелей, но Шафиков занимает ведущее место по влиянию на умы людей в силу ряда причин и в первую очередь из-за того, что публикуется на русском языке.

¹³⁵ Шафиков Г. Крючья по ребро. С. 40-44.

¹³⁶ Там же. С. 98.

¹³⁷ Там же. С. 64-65.

¹³⁸ Там же. С. 282.

¹³⁹ Иногда все же, почувствовав, что зашел слишком далеко, Шафиков спохватывается: «Вот почему опасно замыкаться в своей узконациональной скорлупе, как бы это ни было удобно для тела и души. Русский язык дал эту уникальную возможность (межнационального общения. – И.К.)» (Там же. С. 99) и признает, что «ныне отношение к русским во многих регионах Союза (СНГ. – И.К.) возмутительно несправедливое» (Там же. С.114; фраза заключена в скобки, ибо резко контрастирует с основной темой его книги).

¹⁴⁰ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. Это, кстати, единственная более или менее удачная попытка дать синтетическое изложение истории региона с древнейших времен до конца XIX в. Ни один школьный учебник или обобщающий труд по истории и культуре Башкортостана пока не может сравниться с указанной монографией Р.Г.Кузеева по равномерности и связности изложения истории всех этносов региона. Тем не менее, уже появляются интересные предложения, направленные на исправление сложившейся ситуации (см.: Иванов В.А. Цивилизационная концепция истории Башкортостана (первый опыт подхода) // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и культуры Башкортостана: Сб. мат-лов. Стерлитамак, 2001.)

¹⁴¹ См. в этой связи важные соображения о роли космологического мировоззрения и совокупности «выработанных в его пределах операционных приемов», оказывающих «сильное влияние на способ интерпретации собственно не космологического материала»: Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. II. С. 6.

¹⁴² Ср.: Токарев С.А. Этиологические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. II. С. 672.

¹⁴³ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 6-7. В советской исторической науке роль такой «точки» выполняла Октябрьская революция.

¹⁴⁴ Принципы мифологических представлений о космогенезе, сформулированные В.Н.Топоровым, почти полностью совпадают с главными принципами советской историографии. Ср.: Топоров В.Н. Указ. соч. С. 7 (на последующих страницах его статьи см. конкретные примеры из мировой мифологии).

¹⁴⁵ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 7. Поэтому в советской историографии было невозможно применение, например, методов «школы Анналов», стремящейся восстановить взгляд на мир человека исследуемой эпохи.

¹⁴⁶ Ср. пародию на эти установки советской историографии в знаменитом романе «1984» Дж.Оруэлла. «Пожалуй, нигде в мире, – пишет современный исследователь, – историки не изображают столь негативно историю собственной страны» (Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 15).

¹⁴⁷ Ср.: Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. II.

¹⁴⁸ См.: Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы... С. 15, 19-20.

¹⁴⁹ Олейников Д., Филиппова Т. Как распорядиться «общим» наследством? Вместо заключения // Национальные истории в советском... С. 332-333.

¹⁵⁰ Некоторые исследователи считают, что появление этномифотворчества объясняется «во-первых, влиянием общего кризиса гуманитарных наук, сопровождавшимся отходом от картезианской парадигмы, размыванием научной этики и ориентацией специалистов на самоутверждение и эффекты. Во-вторых, целесообразно учитывать психические особенности гуманитариев (археологов, доисториков, этноисториков), занятых в специальностях, являющихся маргинальными по отношению к фундаментальным наукам. Маргинальное положение само по себе подталкивает к «поиску эффектов» (Коренько В. Указ. соч. С. 46).

¹⁵¹ Олейников Д., Филиппова Т. Указ. соч. С. 333.

¹⁵² Шаяхметов Ф.Ф. Этнический фактор в истории Волго-Уральского региона // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Мат-лы межрегион. науч. конф. (К 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН). Уфа, 2001. Насколько мне известно, это первая весьма смелая критическая статья, опубликованная в условиях жесткой цензуры, царящей в постсоветском Башкортостане. Ее молодой автор – доцент исторического факультета (одного из центров «научной» этнократической мифологизации прошлого) Башкирского государственного университета.

Национально ориентированная башкирская интеллигенция недавно была подвергнута критике и в культурологическом аспекте (Рахматуллина З. Башкирская культура: сущность, своеобразие, основные направления развития // Бельские просторы. 2001. № 8. С. 88-89). Однако эти отдельные чудом появившиеся в республиканской печати публикации пока (начало 2003 г.) не могут свидетельствовать о смягчении цензуры в Башкортостане и об «остывании» этнократической диктатуры.

Предпосылки формирования и начальный период развития нынешнего режима республики рассмотрены в двух монографиях: Сафин Ф. Принципы этнополитического развития Башкортостана. М., 1997; Grävingsholt J. Regionale Autonomie und postsowjetischer Autoritarismus: Die Republik Baschortostan. Köln, 1999. Т. I-II. Подробнее о современном Башкортостане см.: Габдрафиков И.М. Указ. соч.; Грушкин Д.В. Башкирия в «параде суверенитетов»: Эволюция представлений этнополитических элит о национальной государственности. М., 2000.

¹⁵³ О смене персонифицированных объектов поклонения в постсоветских государствах см.: Олейников Д., Филиппова Т. Указ. соч. С. 334.

¹⁵⁴ Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны 1773-1775 гг.

¹⁵⁵ Подробнее см.: Кучумов И. О горных заводах // Истоки. 2000. № 24. С. 10-11.

¹⁵⁶ В.Кореняко пишет, что «для многих дилетантов-квазиисториографов основным стимулом является не исполнение заказов неких этнических элит, а самовыражение» (Кореняко В. Указ. соч. С. 37). Однако несколькими страницами ранее, противореча этому тезису, он утверждает, что мифотворчество «имеет огромное «инструментальное» значение в борьбе за повышение политического статуса, за доступ к экономическим и финансовым ресурсам, за контроль над территорией и ее природными богатствами, наконец, за политический суверенитет. Чем более блестящим представляется народу его прошлое, с тем большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая или этноцентристская историческая версия играет огромную роль в легитимации политических претензий или уже имеющихся политических прав, и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл. Это хорошо сознают представители властных структур. Не случайно во главе исторической науки в новых государственных образованиях нередко оказываются те специалисты, которые связывают свою научную карьеру с изучением истории титульного народа, причем среди них можно встретить и таких, кто целенаправленно создает этноисторический этногенетический миф» (Там же. С. 24).

Историографию современного Башкортостана больше характеризует последний пассаж, к которому следует добавить вывод В.А.Шнирельмана, что «действующего политика, национального лидера мало устраивают рассуждения ученого о сложностях интерпретации скупой информации о древней истории, о том, что порой она дает право выдвинуть несколько разных гипотез для освещения одной и той же исторической проблемы. Никакая политика не может строиться на столь шатком основании. Поэтому политику нужно четкое и однозначное решение, которым его и соблазняют ангажированные специалисты или подвизающиеся рядом с наукой дилетанты» (Шнирельман В. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы... С. 14).

¹⁵⁷ См.: Исхаков С.М. История народов Поволжья и Урала... С. 293.

¹⁵⁸ См.: Булдаков В. Природа революционного насилия. М., 1997. С. 302.